Николай Вторушин

Неслух Квак

и другие разные разности...

Надежный сибирский банк

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ БАНК

Сибирское богатство!

Велика Сибирская земля! Бескрайняя тайга
и могучие реки, черное и белое золото.
Благородные меха и настоящие морозы,
но главное сибирское богатство - это люди!

khmb.ru

8 800 1001 700

ОАО ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ БАНК, генеральная лицензия ЦБ РФ № 1971

Пожелание

Перед вами написанная мной небольшая книга для детей. Она разделена на две части: первая, для младших возрастов, а вторая предназначена более взрослому поколению. В этой книге я пытаюсь показать как негативные стороны воспитания, так и положительные, вернее, обстоятельства, подвигнувшие к перевоспитанию.

Прочитав большое стихотворение «Неслух Квак», вы поймёте, как невоспитанный нахальный лягушонок превратился в заботливого трудолюбивого персонажа. В книгу включены и другие стихотворения о природе, дружбе, ну, в общем, на разные темы. Некоторые произведения будут иллюстрированы художником Валентиной Вторушиной рисунками-раскрасками, и я надеюсь, что дети оформят их должным образом. Также прошу не удивляться тому, что в этих рисунках будет часто встречаться бурундучок – символ рачительности, ума и наблюдательности. Он будет как бы оценивать действия персонажей. К тому же обе половины книги открываются песней, может быть, кому-то они и понравятся, а коли нет – не обессудьте.

Включены в книгу и рассказы самого разнообразного жанра. Сюжеты этих рассказов как поучительные так и шутливые. Я буду весьма рад, если вы, прочитав представленные на ваш суд произведения, найдёте в них что-то полезное для воспитания детей. Детство – самая счастливая пора жизни, однако, чтобы она была действительно счастливой, для этого нужно приложить ох как много усилий родителям и учителям.

Со своей стороны я предлагаю приучать детей к труду с самого раннего возраста. Как можно чаще напоминать о пагубной привычке курения. В развитых странах семьдесят процентов населения не курит, а у нас, наоборот, семьдесят курит. И, наконец, желаю родителям, для детей которых написана эта книга, как можно внимательней следить за их каждыми самостоятельными шагами. Не пускайте воспитание на самотёк, это может потом обернуться болью на всю жизнь!

Вот и всё, о чём я хотел вам рассказать, и заканчиваю введение небольшим стихотворением:

Дети – цветы,
Дети – любовь,
Дети – страданье,
Но жизнь без детей,
Лишь одно наказанье!

Моя семья
(или исповедь семилетнего мальчика)

Есть на свете дом обычный
С новой крышей и крыльцом,
В нём уютно и привычно,
Мы там четверо живём:

Папа, мама, Александра,
Я – братишка семи лет.
Дом большой, в нём есть веранда –
Места лучше в мире нет.

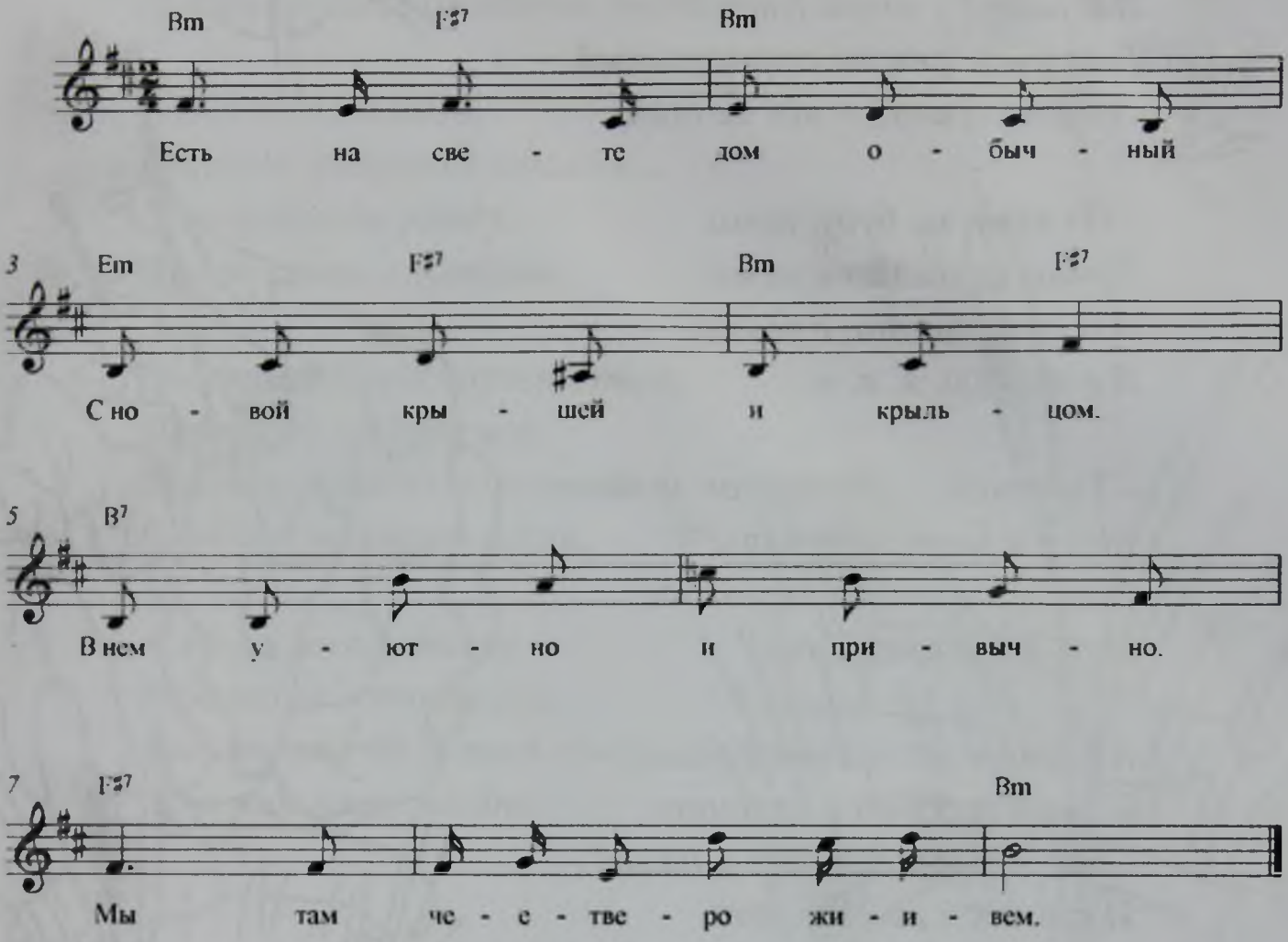
Хорошо живём мы с Сашей,
Любим папу, маму и
Бабу Валю, деда Пашу,
Груши, яблоки, киви.

А ещё живёт не тужит
Кот по кличке Васьюган.
Только он с нами не дружит,
Типа – сам себе с усам.

Я желаю всем на свете
Быть счастливыми, как я,
Чтоб родители и дети
Были крепкая семья.

Моя семья

Н. Вторушин



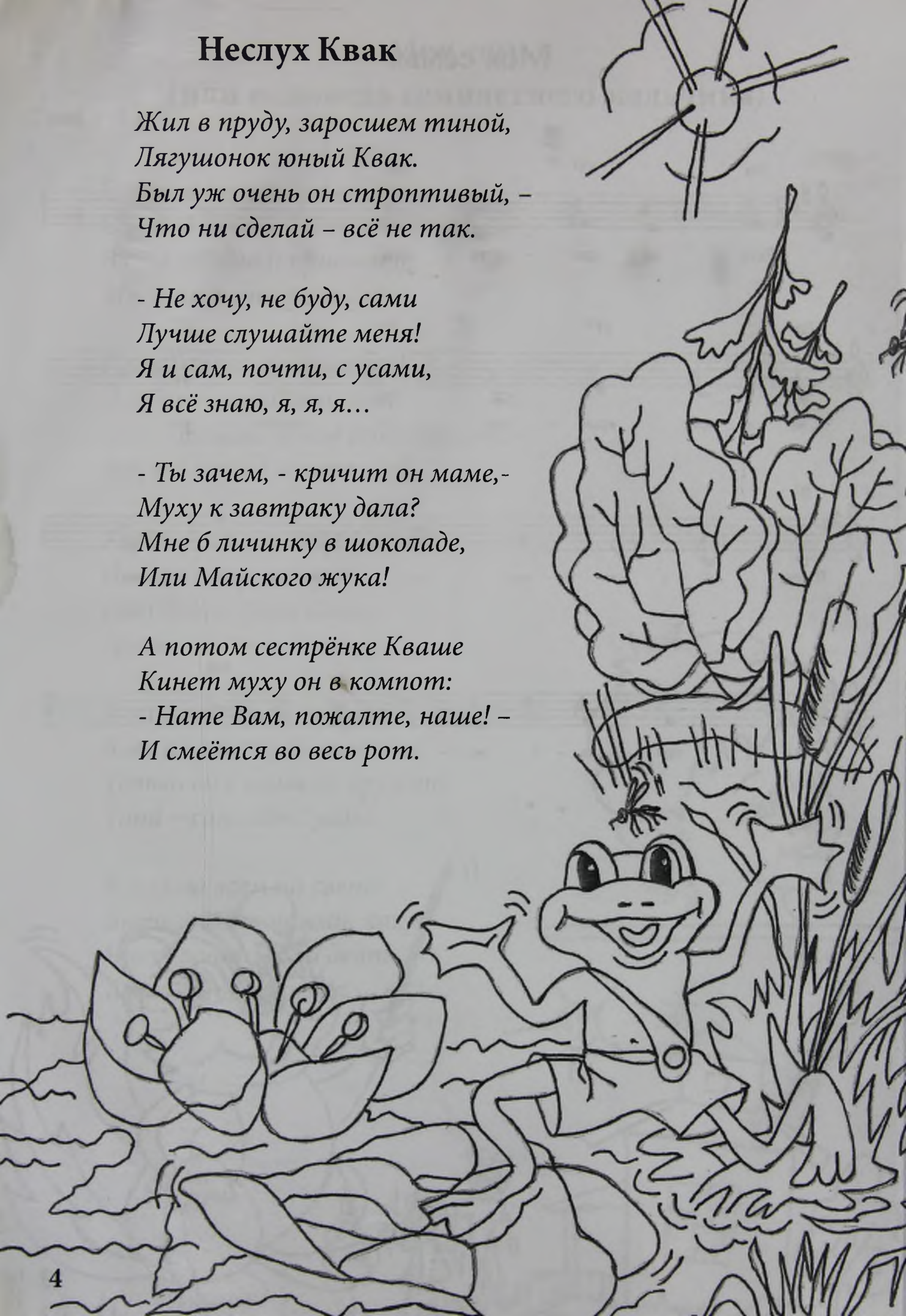
Неслух Квак

Жил в пруду, заросшем тиной,
Лягушонок юный Квак.
Был уж очень он строптивый, –
Что ни сделай – всё не так.

- Не хочу, не буду, сами
Лучше слушайте меня!
Я и сам, почти, с усами,
Я всё знаю, я, я, я…

- Ты зачем, - кричит он маме,-
Муху к завтраку дала?
Мне б личинку в шоколаде,
Или Майского жука!

А потом сестрёнке Кваше
Кинет муху он в компот:
- Нате Вам, пожалте, наше! –
И смеётся во весь рот.

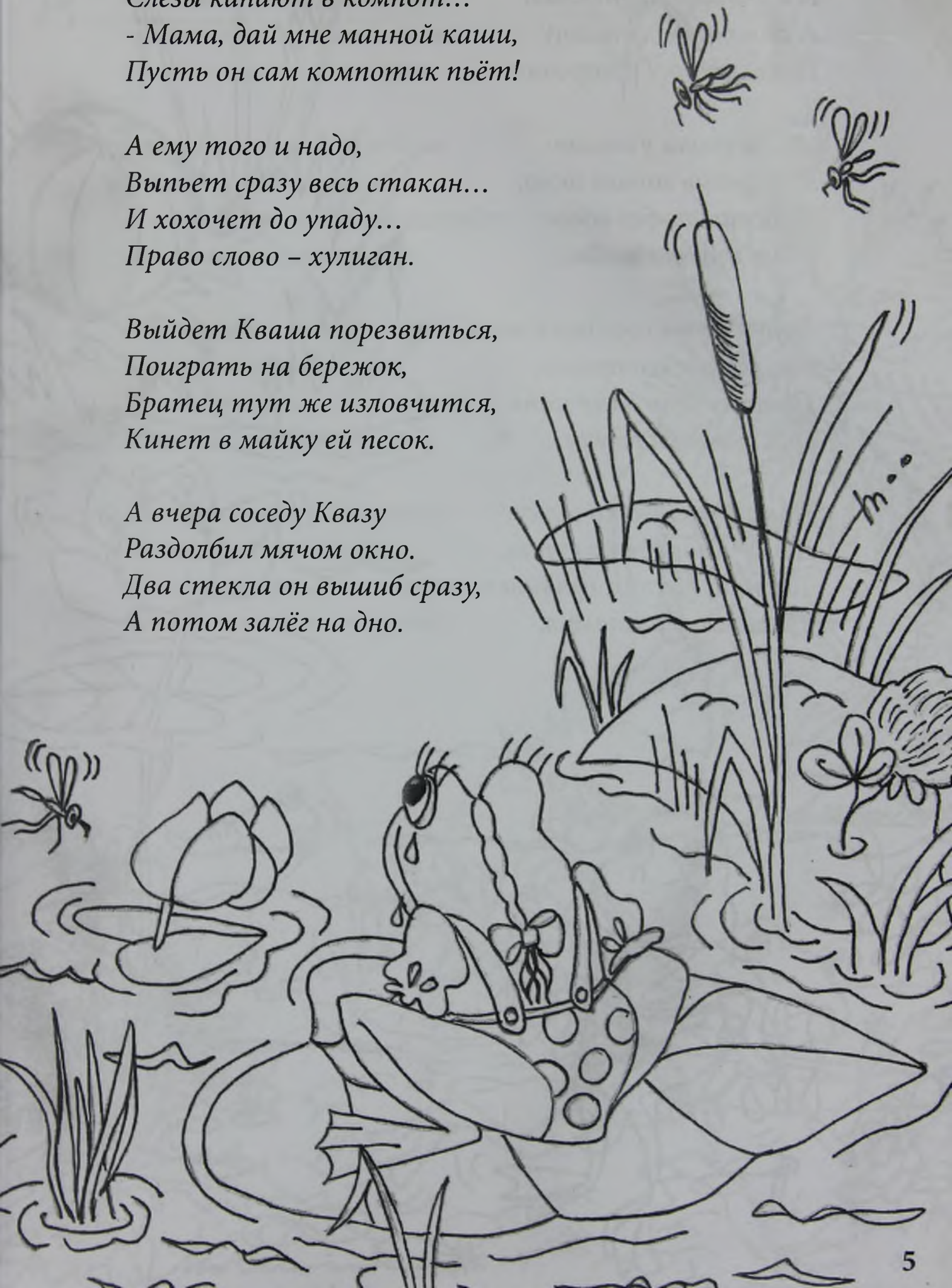


Заревёт сестрёнка Кваша,
Слёзы капают в компот…
- Мама, дай мне манной каши,
Пусть он сам компотик пьёт!

А ему того и надо,
Выпьет сразу весь стакан…
И хохочет до упаду…
Право слово – хулиган.

Выйдет Кваша порезвиться,
Поиграть на бережок,
Братец тут же изловчится,
Кинет в майку ей песок.

А вчера соседу Квазу
Раздолбил мячом окно.
Два стекла он вышиб сразу,
А потом залёг на дно.

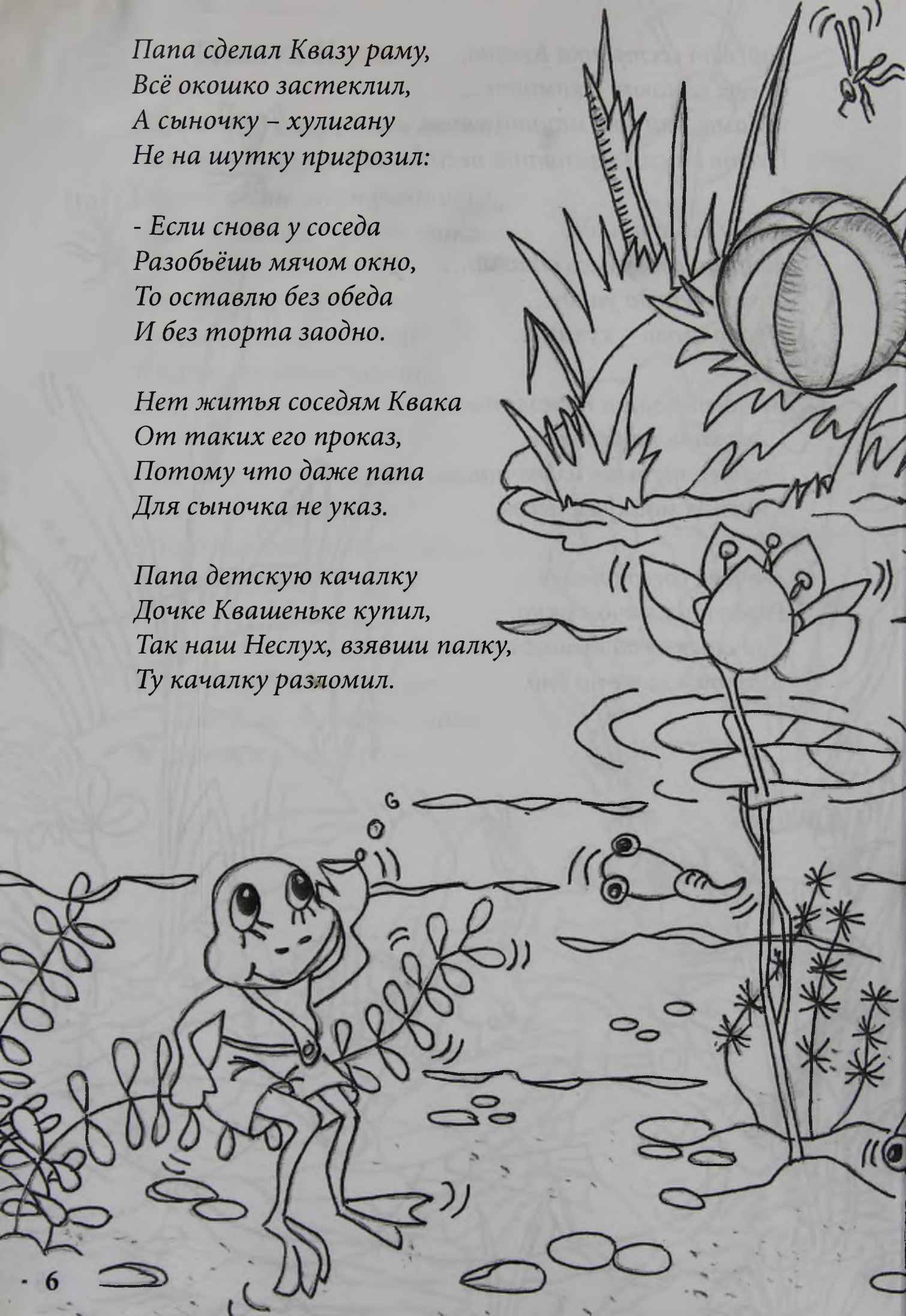


Папа сделал Квазу раму,
Всё окошко застеклил,
А сыночку – хулигану
Не на шутку пригрозил:

- Если снова у соседа
Разобьёшь мячом окно,
То оставлю без обеда
И без торта заодно.

Нет житья соседям Квака
От таких его проказ,
Потому что даже папа
Для сыночка не указ.

Папа детскую качалку
Дочке Квашеньке купил,
Так наш Неслух, взявши палку,
Ту качалку разломил.

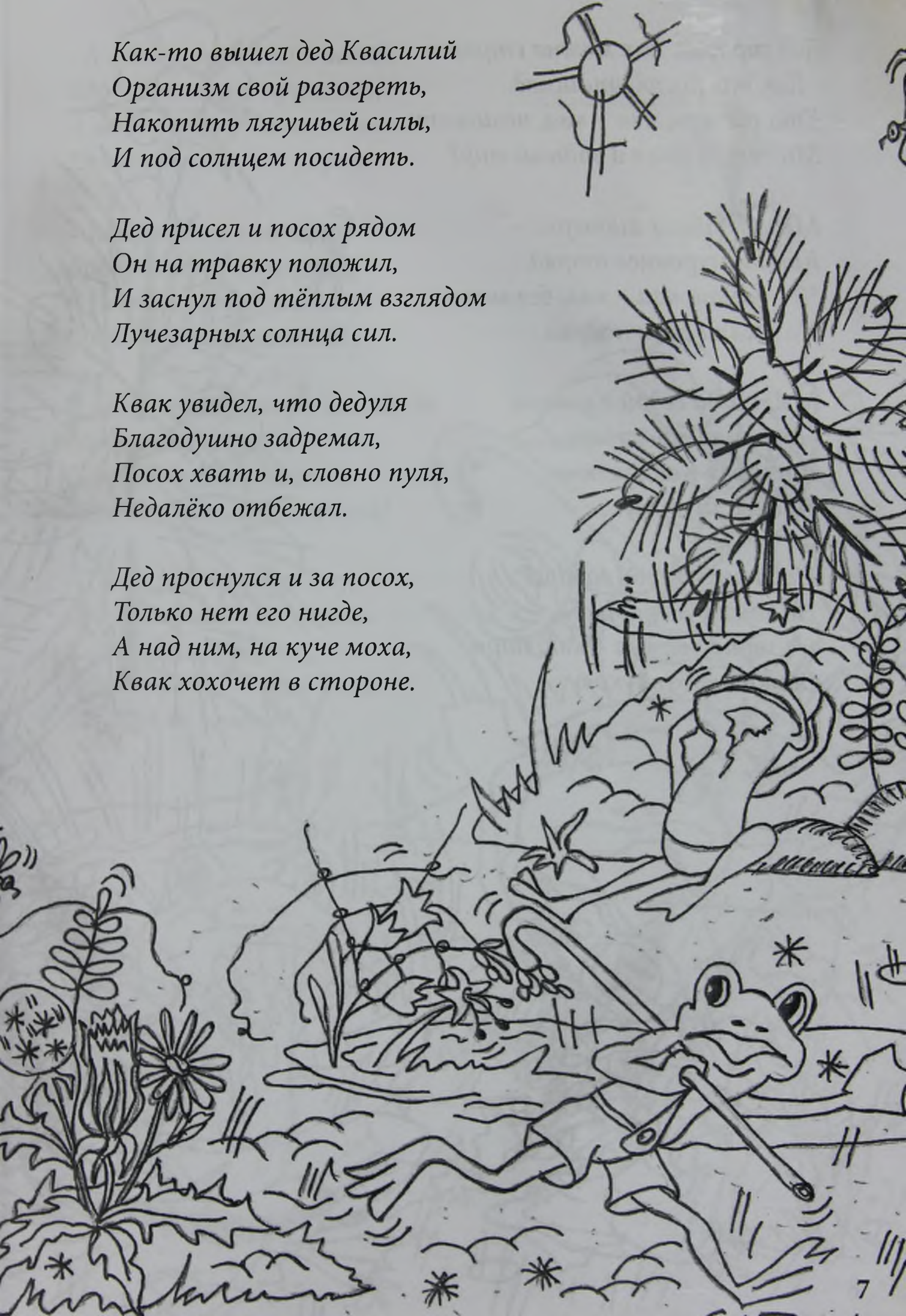


Как-то вышел дед Квасилий
Организм свой разогреть,
Накопить лягушьей силы,
И под солнцем посидеть.

Дед присел и посох рядом
Он на травку положил,
И заснул под тёплым взглядом
Лучезарных солнца сил.

Квак увидел, что дедуля
Благодушно задремал,
Посох хвать и, словно пуля,
Недалёко отбежал.

Дед проснулся и за посох,
Только нет его нигде,
А над ним, на куче моха,
Квак хохочет в стороне.

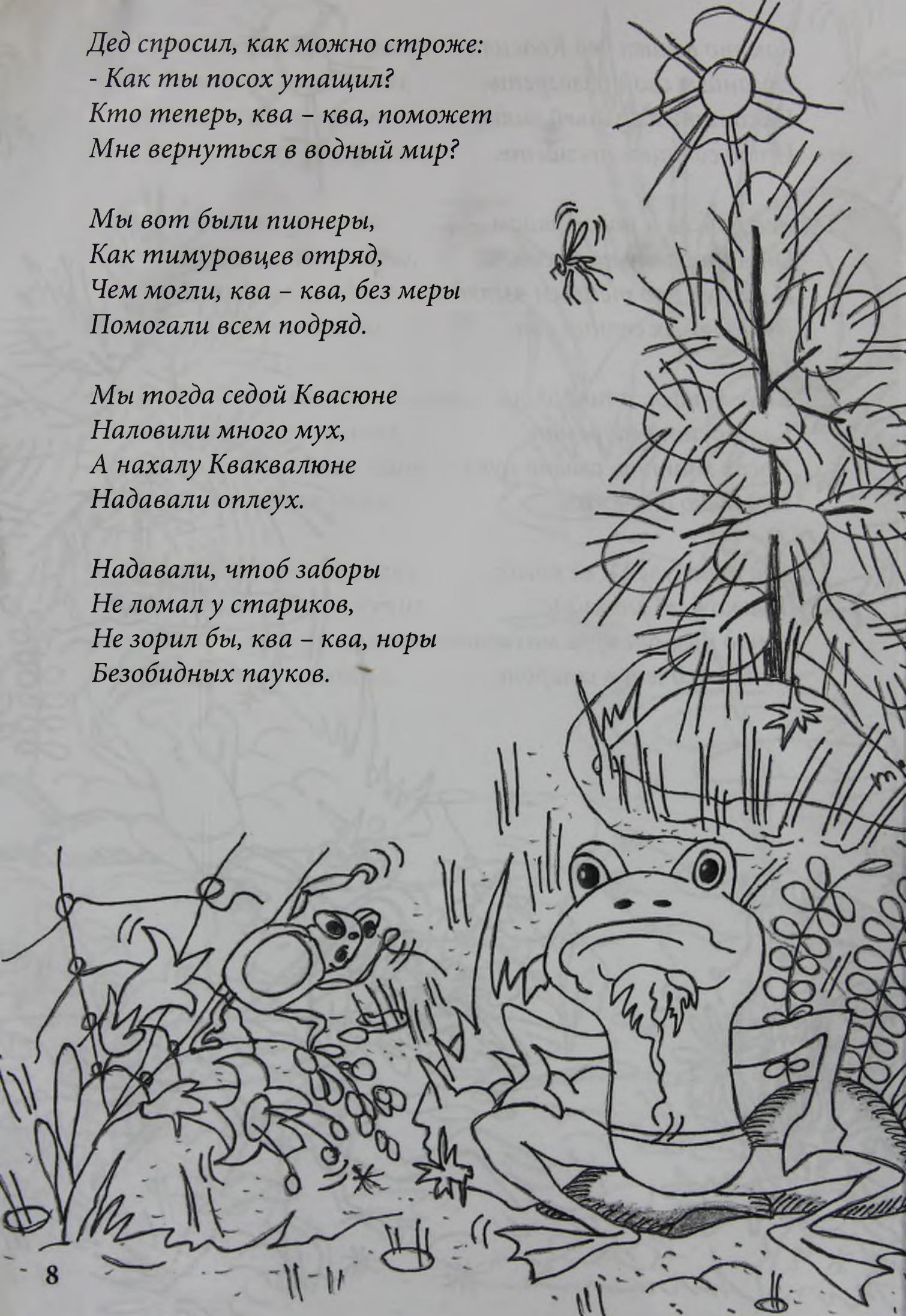


Дед спросил, как можно строже:
- Как ты посох утащил?
Кто теперь, ква – ква, поможет
Мне вернуться в водный мир?

Мы вот были пионеры,
Как тимуровцев отряд,
Чем могли, ква – ква, без меры
Помогали всем подряд.

Мы тогда седой Квасюне
Наловили много мух,
А нахалу Кваквалюне
Надавали оплеух.

Надавали, чтоб заборы
Не ломал у стариков,
Не зорил бы, ква – ква, норы
Безобидных пауков.

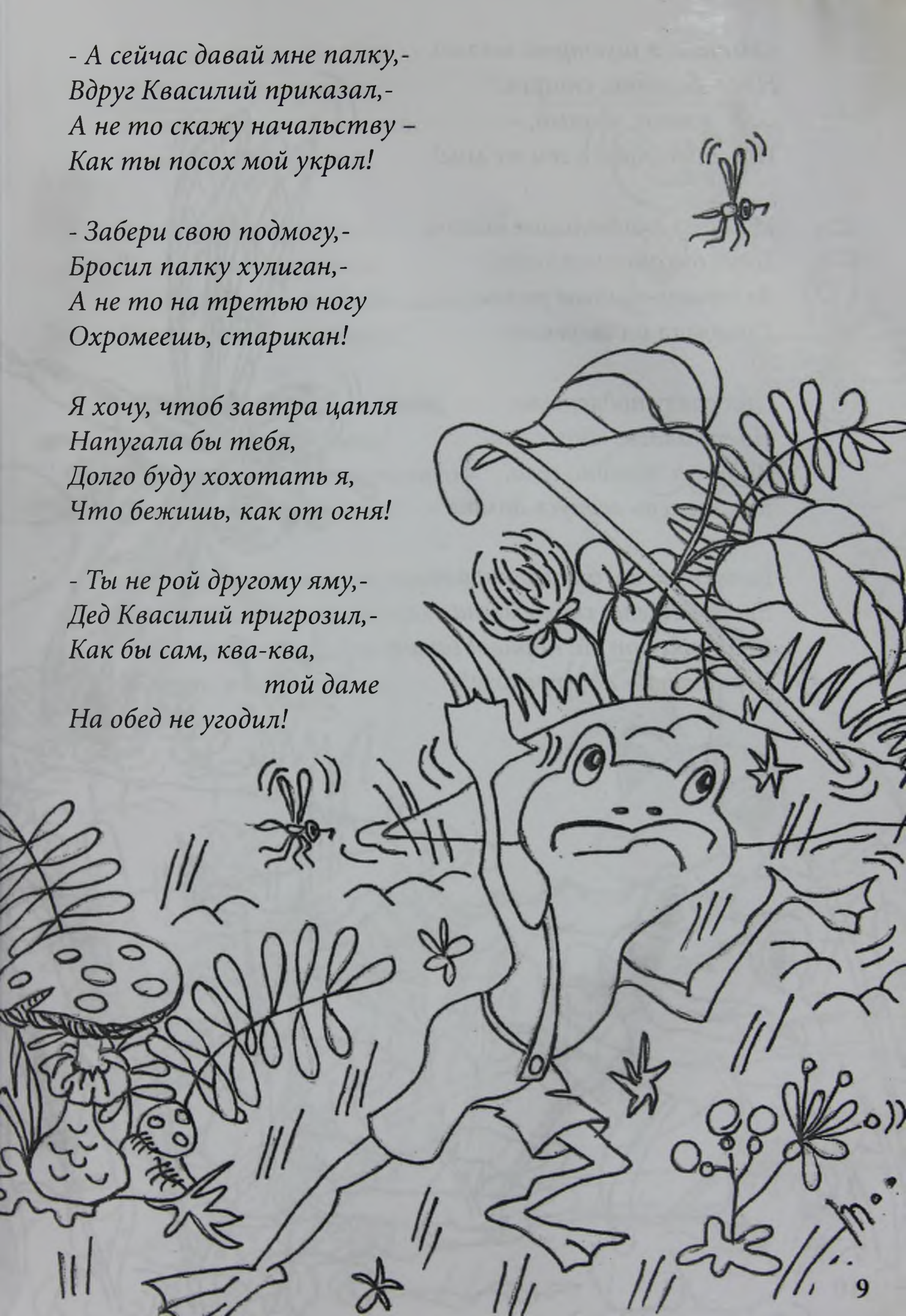


- А сейчас давай мне палку,-
Вдруг Квасилий приказал,-
А не то скажу начальству –
Как ты посох мой украл!

- Забери свою подмогу,-
Бросил палку хулиган,-
А не то на третью ногу
Охромеешь, старикан!

Я хочу, чтоб завтра цапля
Напугала бы тебя,
Долго буду хохотать я,
Что бежишь, как от огня!

- Ты не рой другому яму,-
Дед Квасилий пригрозил,-
Как бы сам, ква-ква,
той даме
На обед не угодил!

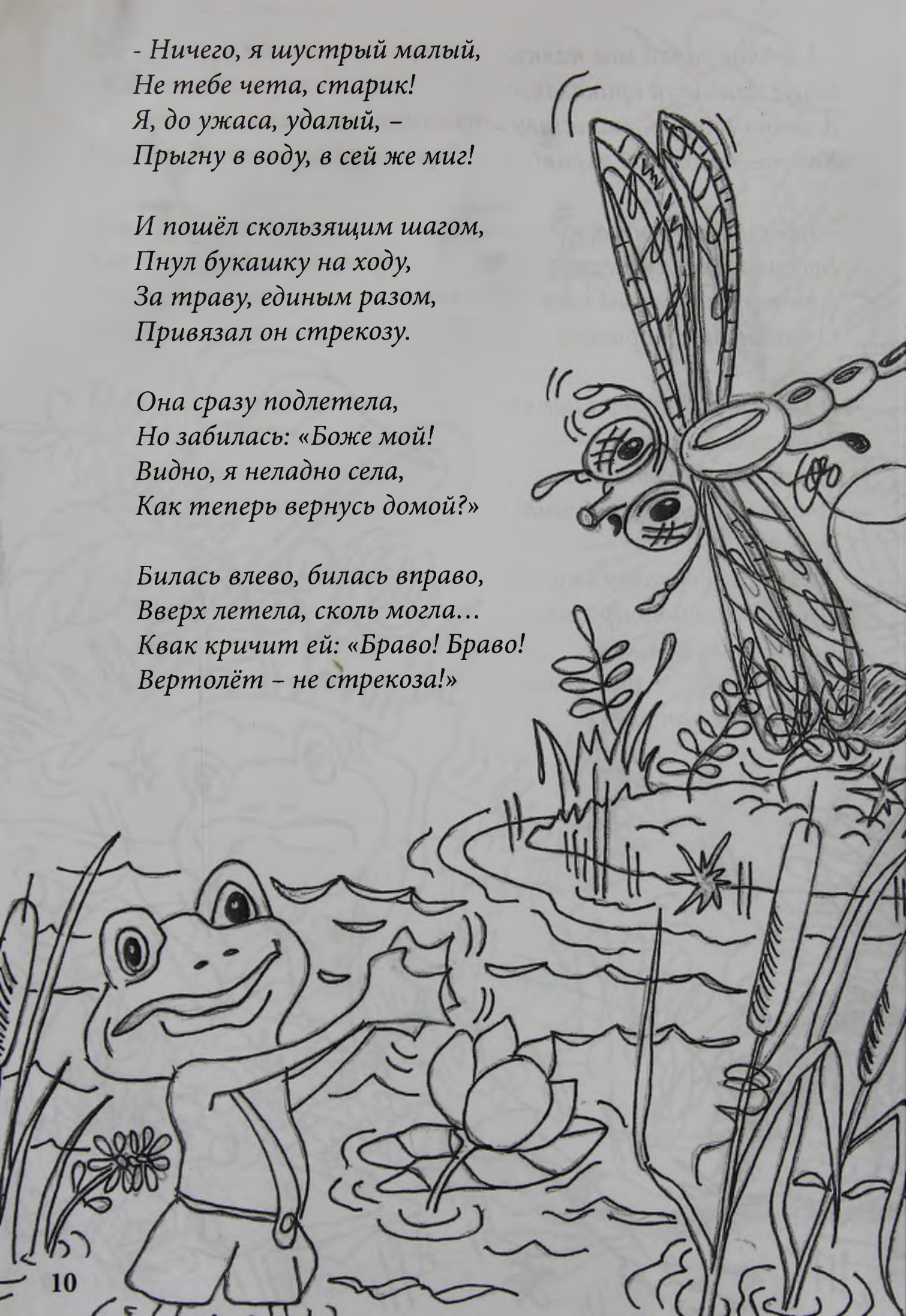


- Ничего, я шустрый малый,
Не тебе чета, старик!
Я, до ужаса, удалый, –
Прыгну в воду, в сей же миг!

И пошёл скользящим шагом,
Пнул букашку на ходу,
За траву, единым разом,
Привязал он стрекозу.

Она сразу подлетела,
Но забилась: «Боже мой!
Видно, я неладно села,
Как теперь вернусь домой?»

Билась влево, билась вправо,
Вверх летела, сколь могла…
Квак кричит ей: «Браво! Браво!
Вертолёт – не стрекоза!»

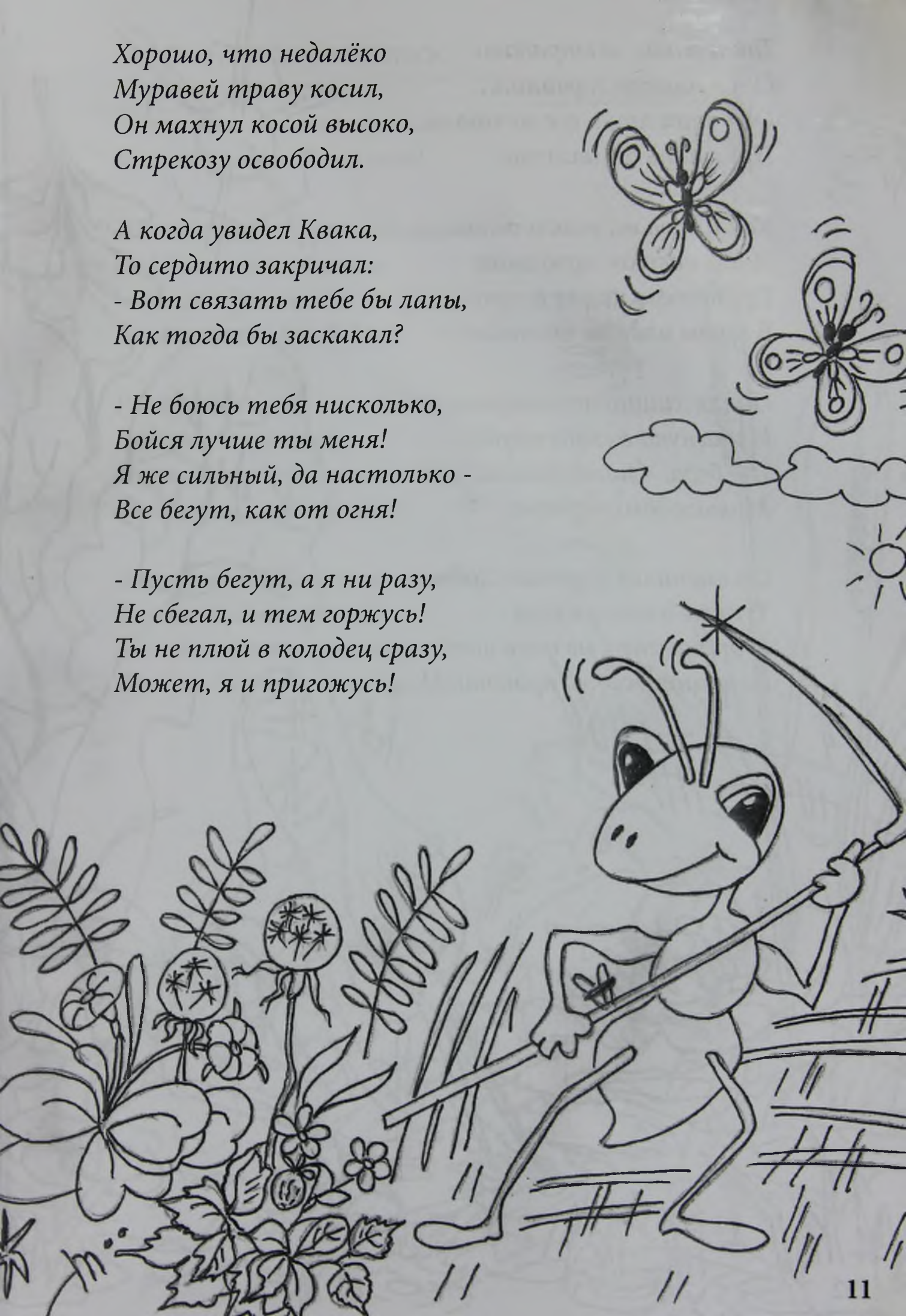


Хорошо, что недалёко
Муравей траву косил,
Он махнул косой высоко,
Стрекозу освободил.

А когда увидел Квака,
То сердито закричал:
- Вот связать тебе бы лапы,
Как тогда бы заскакал?

- Не боюсь тебя нисколько,
Бойся лучше ты меня!
Я же сильный, да настолько -
Все бегут, как от огня!

- Пусть бегут, а я ни разу,
Не сбегал, и тем горжусь!
Ты не плюй в колодец сразу,
Может, я и пригожусь!

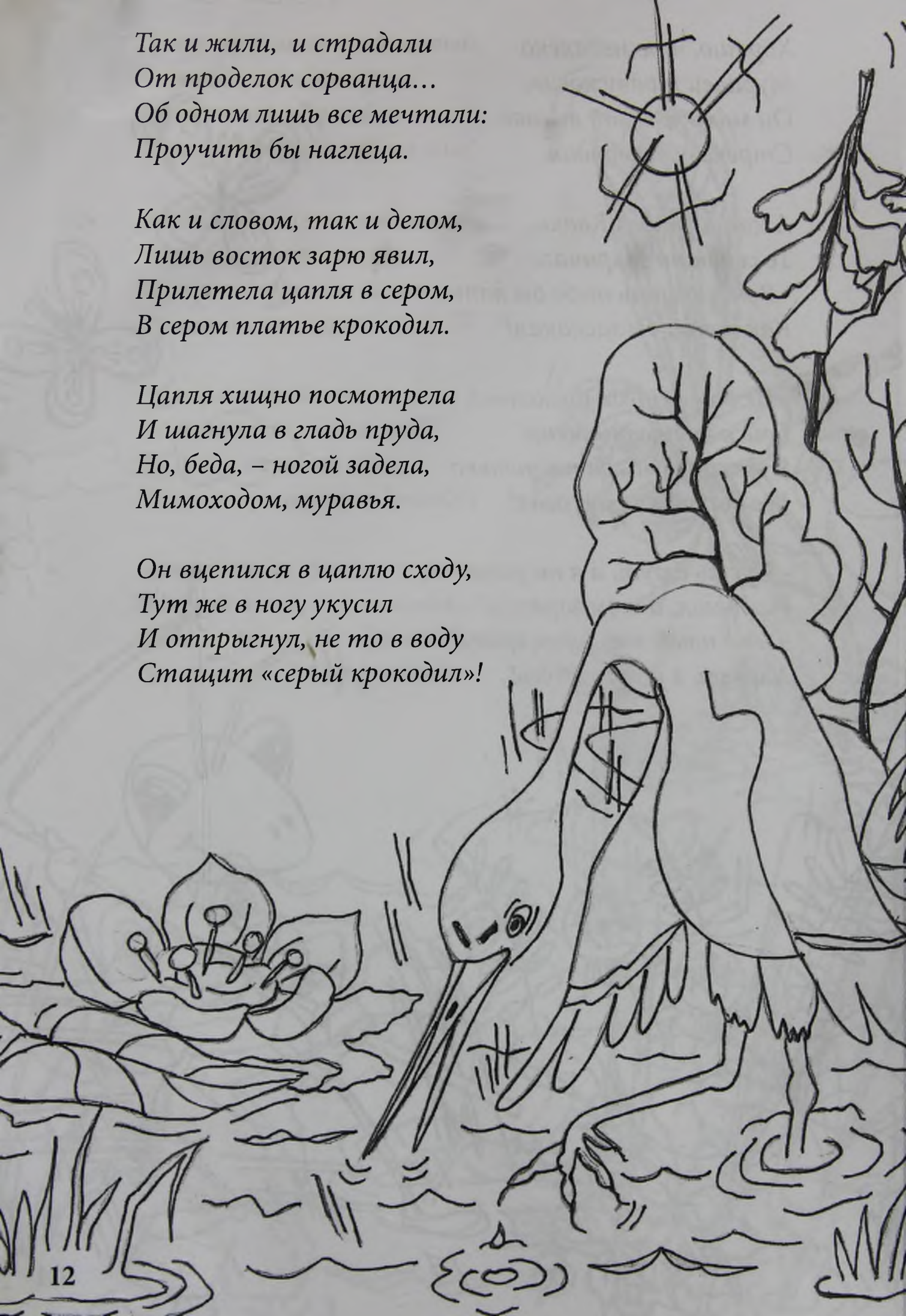


Так и жили, и страдали
От проделок сорванца…
Об одном лишь все мечтали:
Проучить бы наглеца.

Как и словом, так и делом,
Лишь восток зарю явил,
Прилетела цапля в сером,
В сером платье крокодил.

Цапля хищно посмотрела
И шагнула в гладь пруда,
Но, беда, – ногой задела,
Мимоходом, муравья.

Он вцепился в цаплю сходу,
Тут же в ногу укусил
И отпрыгнул, не то в воду
Стащит «серый крокодил»!

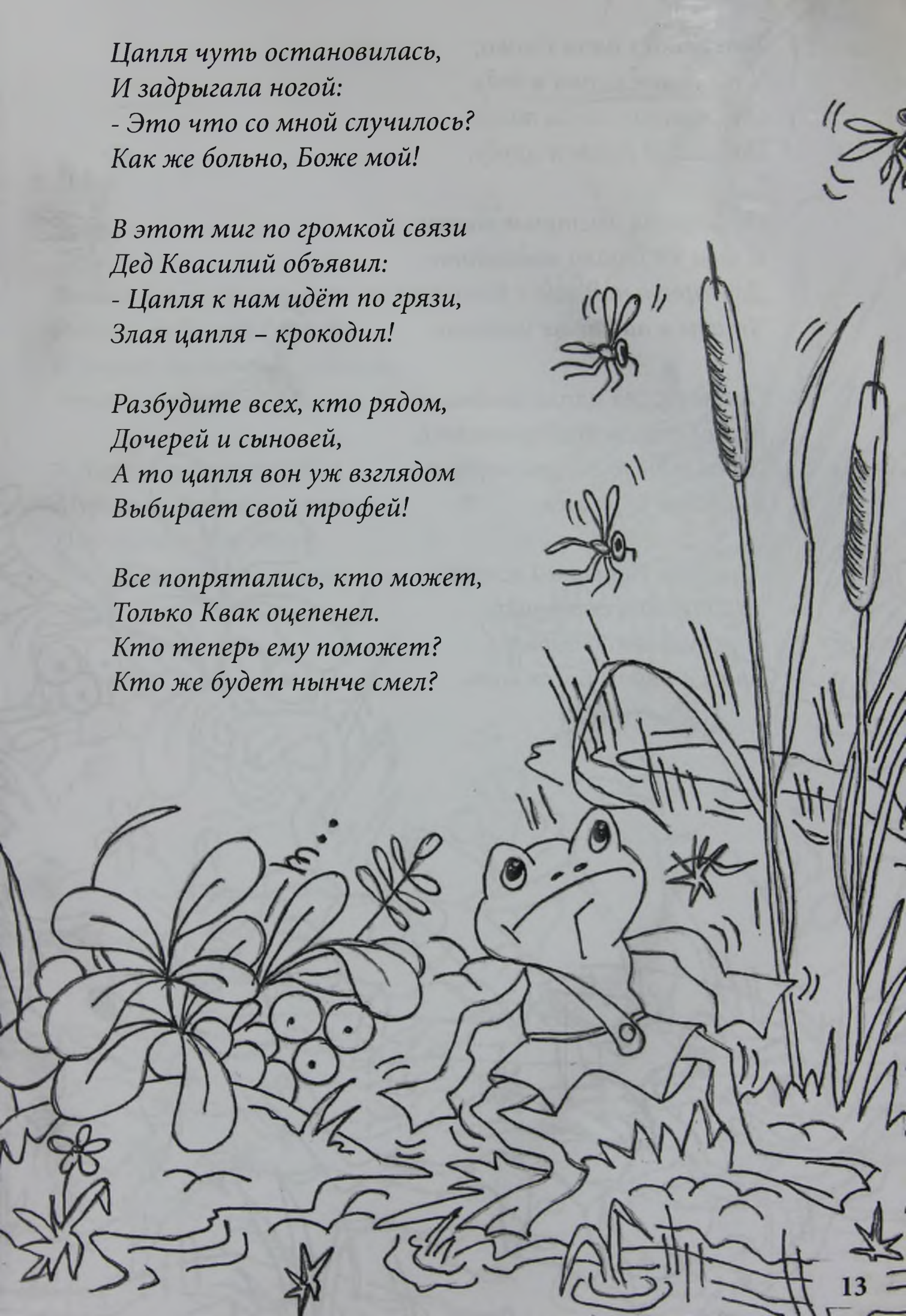


Цапля чуть остановилась,
И задрыгала ногой:
- Это что со мной случилось?
Как же больно, Боже мой!

В этот миг по громкой связи
Дед Квасилий объявил:
- Цапля к нам идёт по грязи,
Злая цапля – крокодил!

Разбудите всех, кто рядом,
Дочерей и сыновей,
А то цапля вон уж взглядом
Выбирает свой трофей!

Все попрятались, кто может,
Только Квак оцепенел.
Кто теперь ему поможет?
Кто же будет нынче смел?

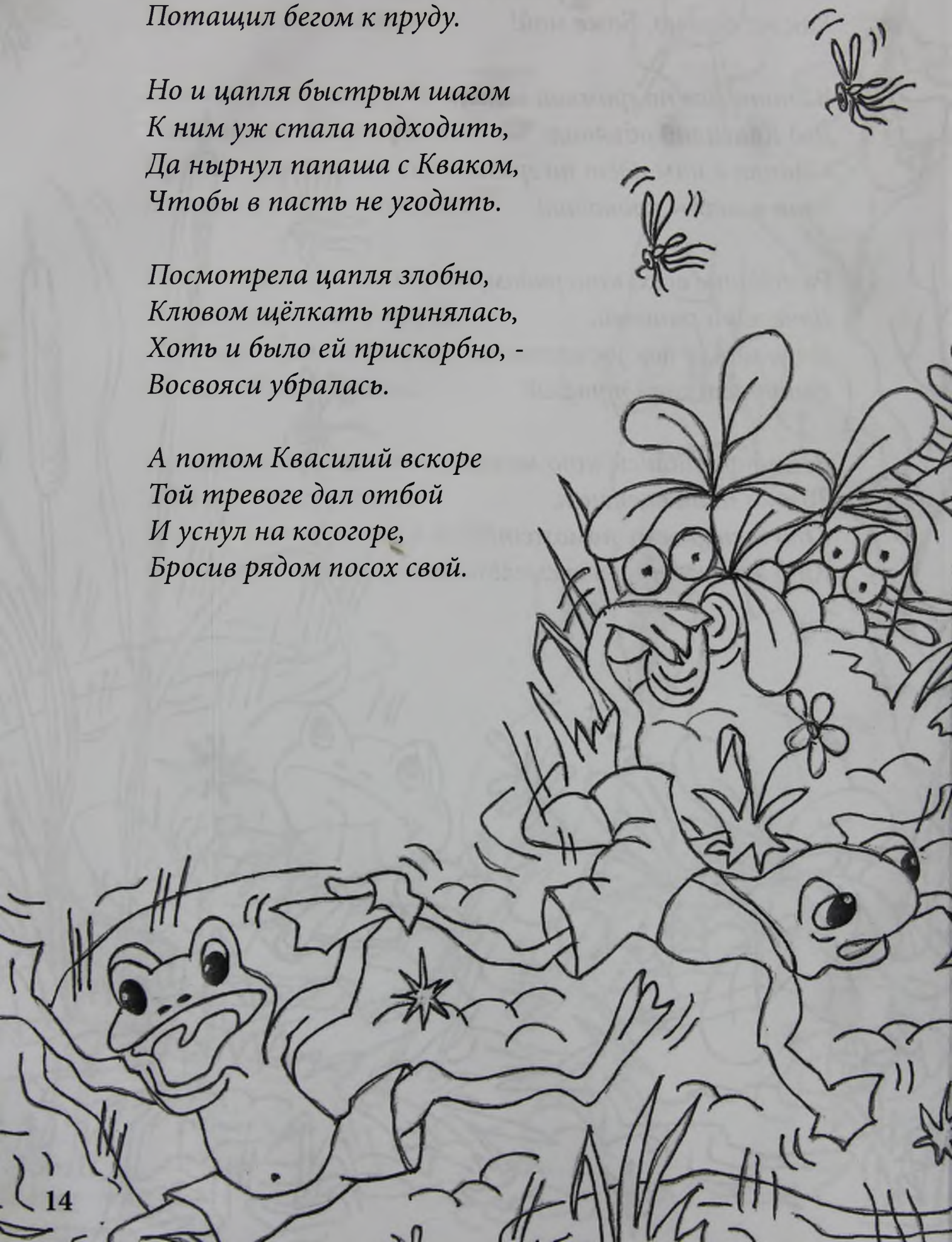


Тут увидел папа Квака,
Что сынок попал в беду,
Он схватил его за лапу,
Потащил бегом к пруду.

Но и цапля быстрым шагом
К ним уж стала подходить,
Да нырнул папаша с Кваком,
Чтобы в пасть не угодить.

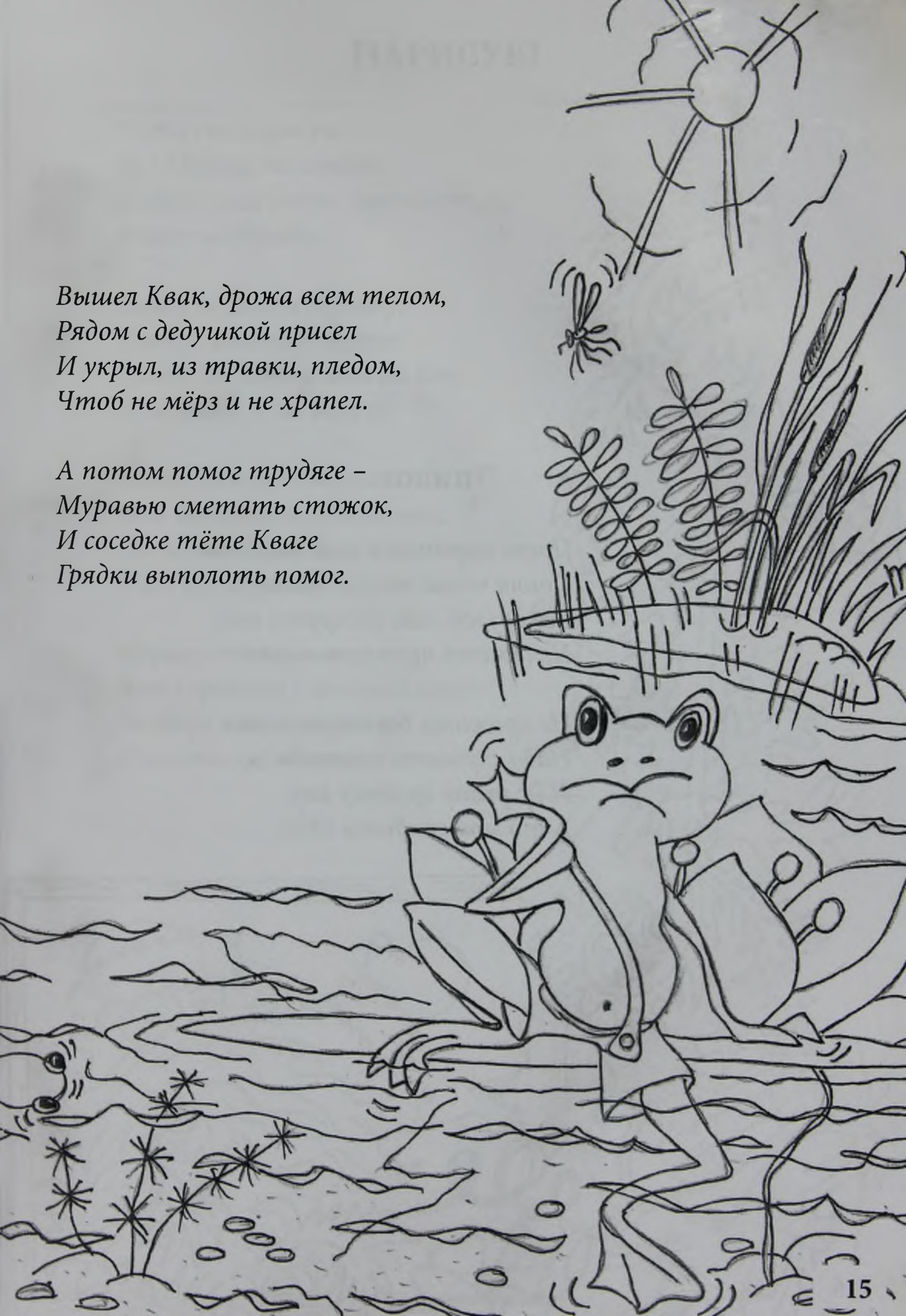
Посмотрела цапля злобно,
Клювом щёлкать принялась,
Хоть и было ей прискорбно, -
Восвояси убралась.

А потом Квасилий вскоре
Той тревоге дал отбой
И уснул на косогоре,
Бросив рядом посох свой.



Вышел Квак, дрожа всем телом,
Рядом с дедушкой присел
И укрыл, из травки, пледом,
Чтоб не мёрз и не храпел.

А потом помог трудяге –
Муравью сметать стожок,
И соседке тёте Кваге
Грядки выполоть помог.



Эпилог

После страшной той минуты
Понял юный неслух Квак,-
Без друзей, как ни крути ты,
Не суметь прожить никак.

Не прожить без папы, мамы.
Надо слушать их всегда
И не рыть другому яму,
А то может быть беда.

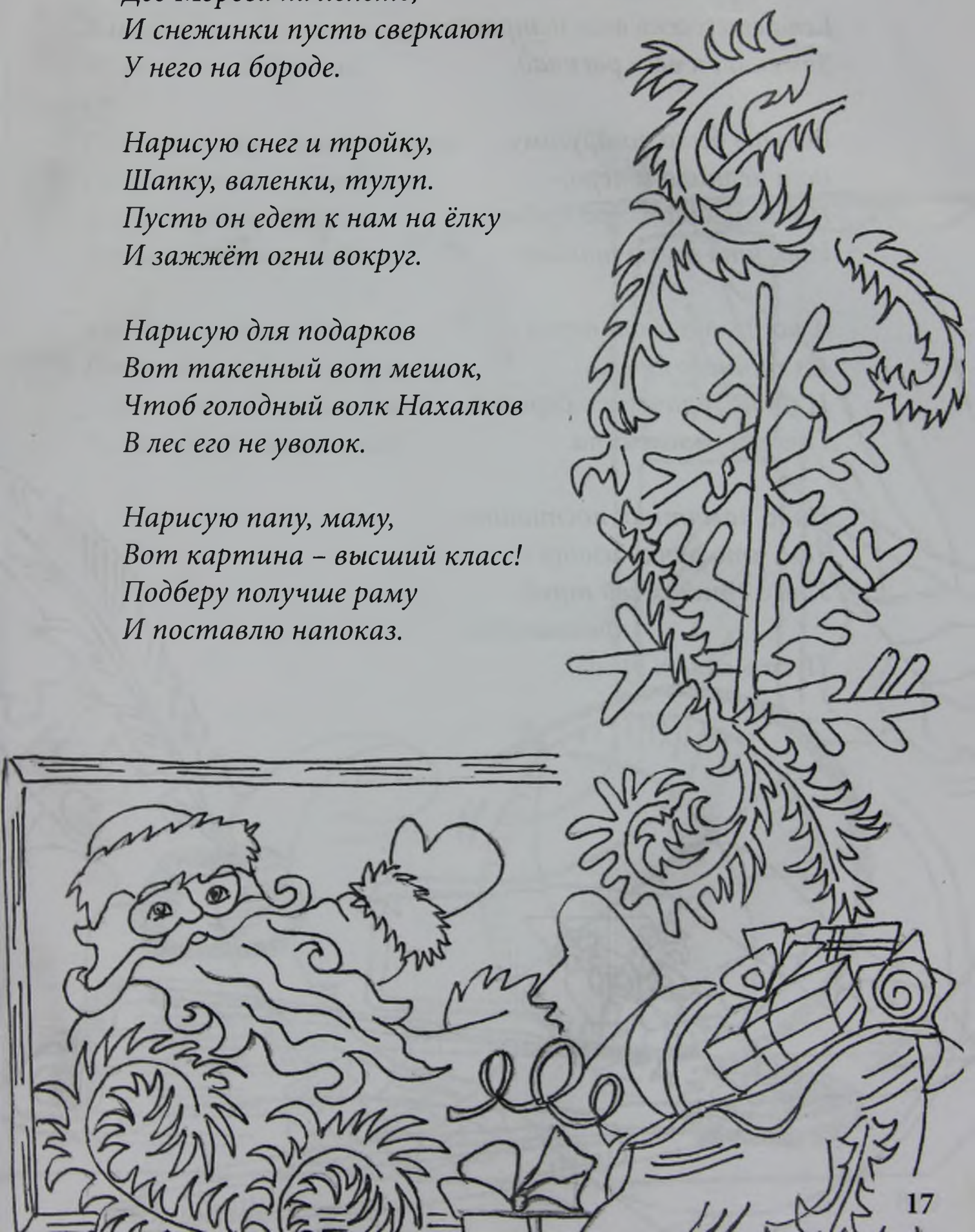
НАРИСУЮ

Нарисую, нарисую
Дед Мороза на холсте,
И снежинки пусть сверкают
У него на бороде.

Нарисую снег и тройку,
Шапку, валенки, тулуп.
Пусть он едет к нам на ёлку
И зажжёт огни вокруг.

Нарисую для подарков
Вот такенный вот мешок,
Чтоб голодный волк Нахалков
В лес его не уволок.

Нарисую папу, маму,
Вот картина – высший класс!
Подберу получше раму
И поставлю напоказ.



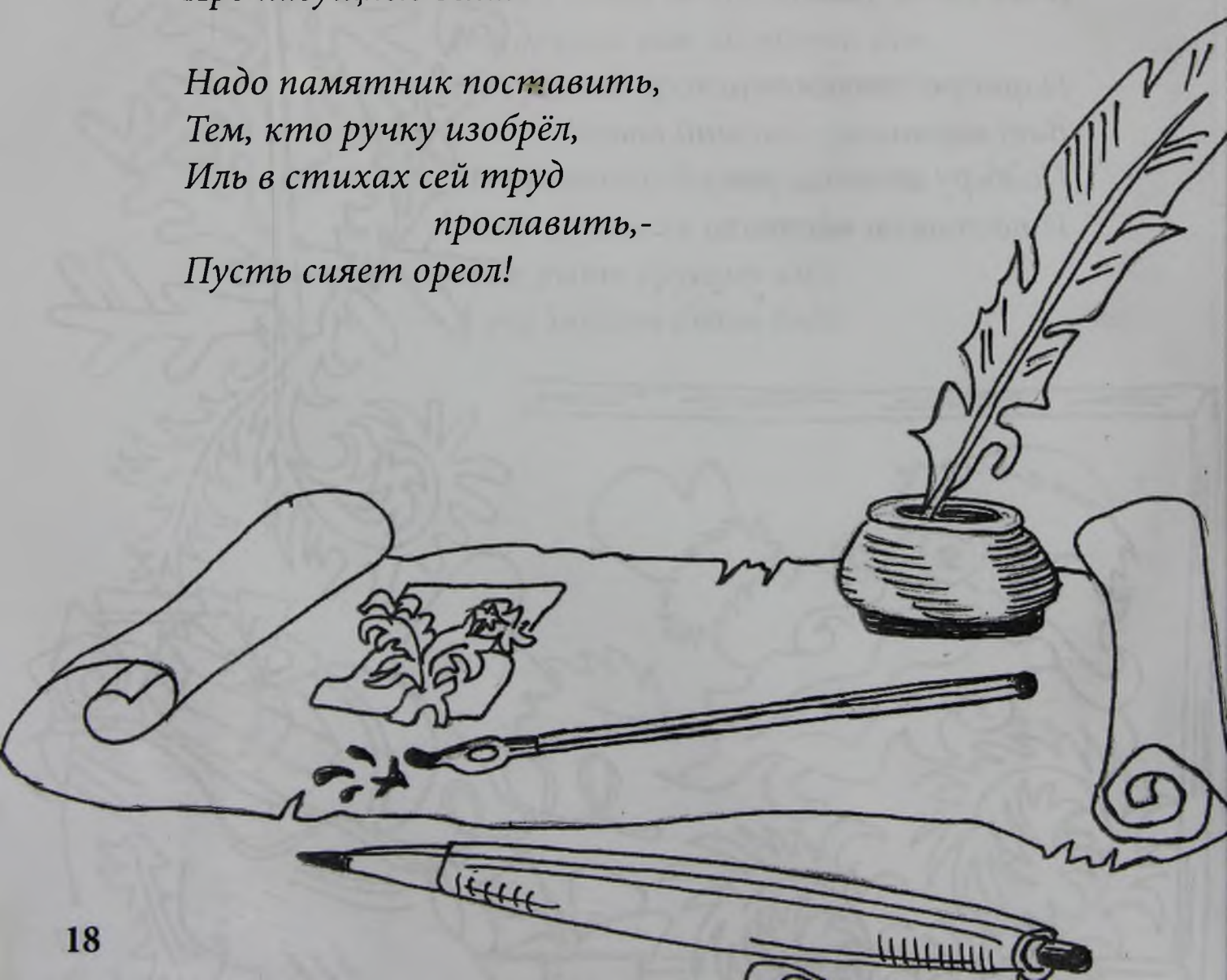
ПРО РУЧКУ

Нынче кляксу не поставишь,
Нынче ручки-автомат,
Если стержень весь истратишь,-
Заменил, и весь расклад.

Раньше было по-другому,-
Вот чернила и перо,-
И пиши, брат, про Ерёму,
Или, что на ум пришло.

А когда-то были перья
Из гусиного крыла,-
И пиши, брат, про деревья,
Про насущные дела.

Надо памятник поставить,
Тем, кто ручку изобрёл,
Иль в стихах сей труд
прославить,-
Пусть сияет ореол!



День учителя

Вас сегодня поздравляем
С днём Учителя, и мы
Вам здоровья все желаем,
И, конечно, доброты.

Ставьте нам одни пятёрки
По журналам, дневникам,
А про неуды и тройки
Хорошо забыть бы Вам.

Мы Вас любим, обожаем,-
Говорим не в бровь, а в глаз:
– Если что не понимаем,
Вы за всё простите нас!

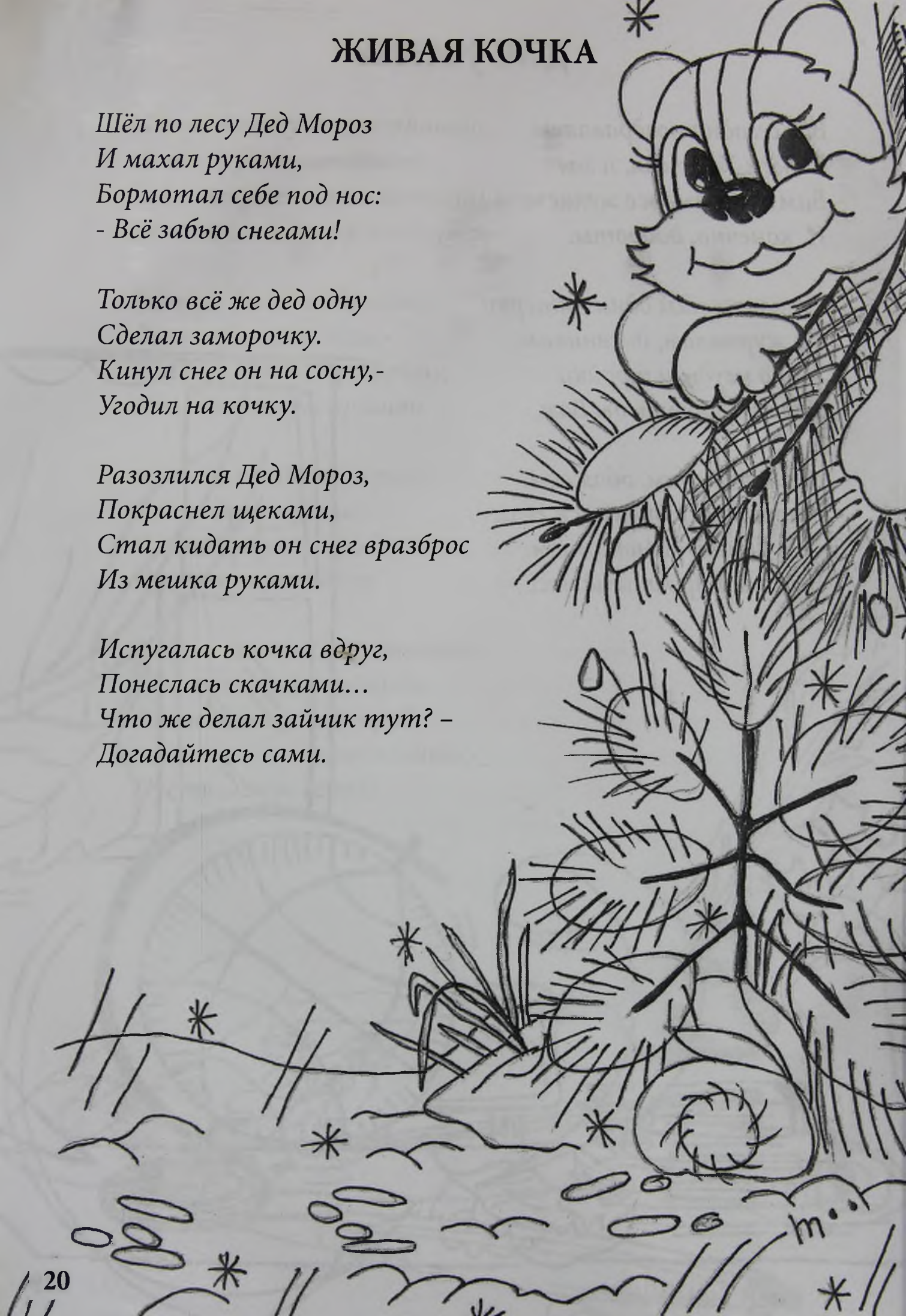
ЖИВАЯ КОЧКА

Шёл по лесу Дед Мороз
И махал руками,
Бормотал себе под нос:
- Всё забью снегами!

Только всё же дед одну
Сделал заморочку.
Кинул снег он на сосну,-
Угодил на кочку.

Разозлился Дед Мороз,
Покраснел щеками,
Стал кидать он снег вразброс
Из мешка руками.

Испугалась кочка вдруг,
Понеслась скачками…
Что же делал зайчик тут? –
Догадайтесь сами.



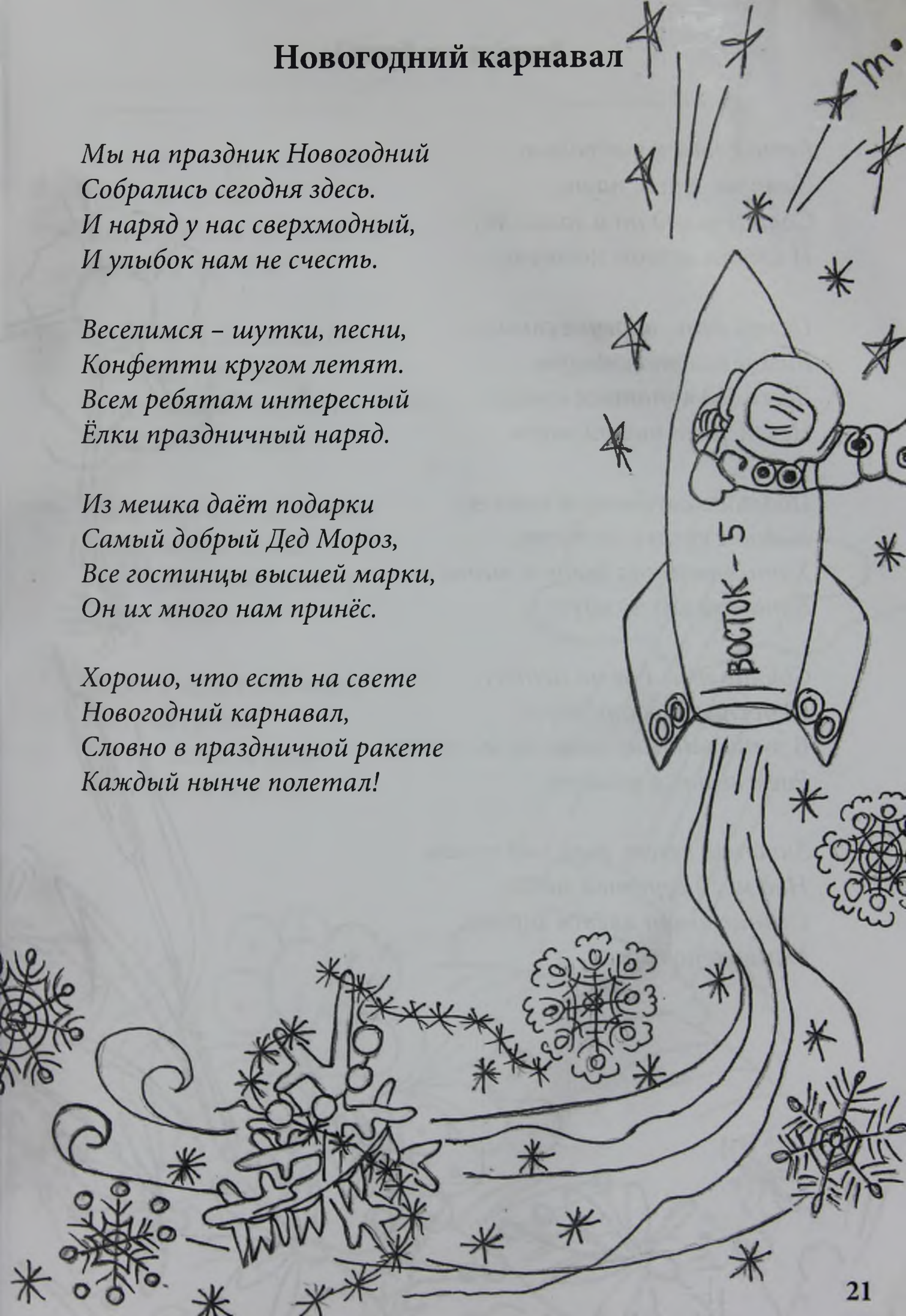
Новогодний карнавал

Мы на праздник Новогодний
Собрались сегодня здесь.
И наряд у нас сверхмодный,
И улыбок нам не счесть.

Веселимся – шутки, песни,
Конфетти кругом летят.
Всем ребятам интересный
Ёлки праздничный наряд.

Из мешка даёт подарки
Самый добрый Дед Мороз,
Все гостинцы высшей марки,
Он их много нам принёс.

Хорошо, что есть на свете
Новогодний карнавал,
Словно в праздничной ракете
Каждый нынче полетал!



Знойные будни

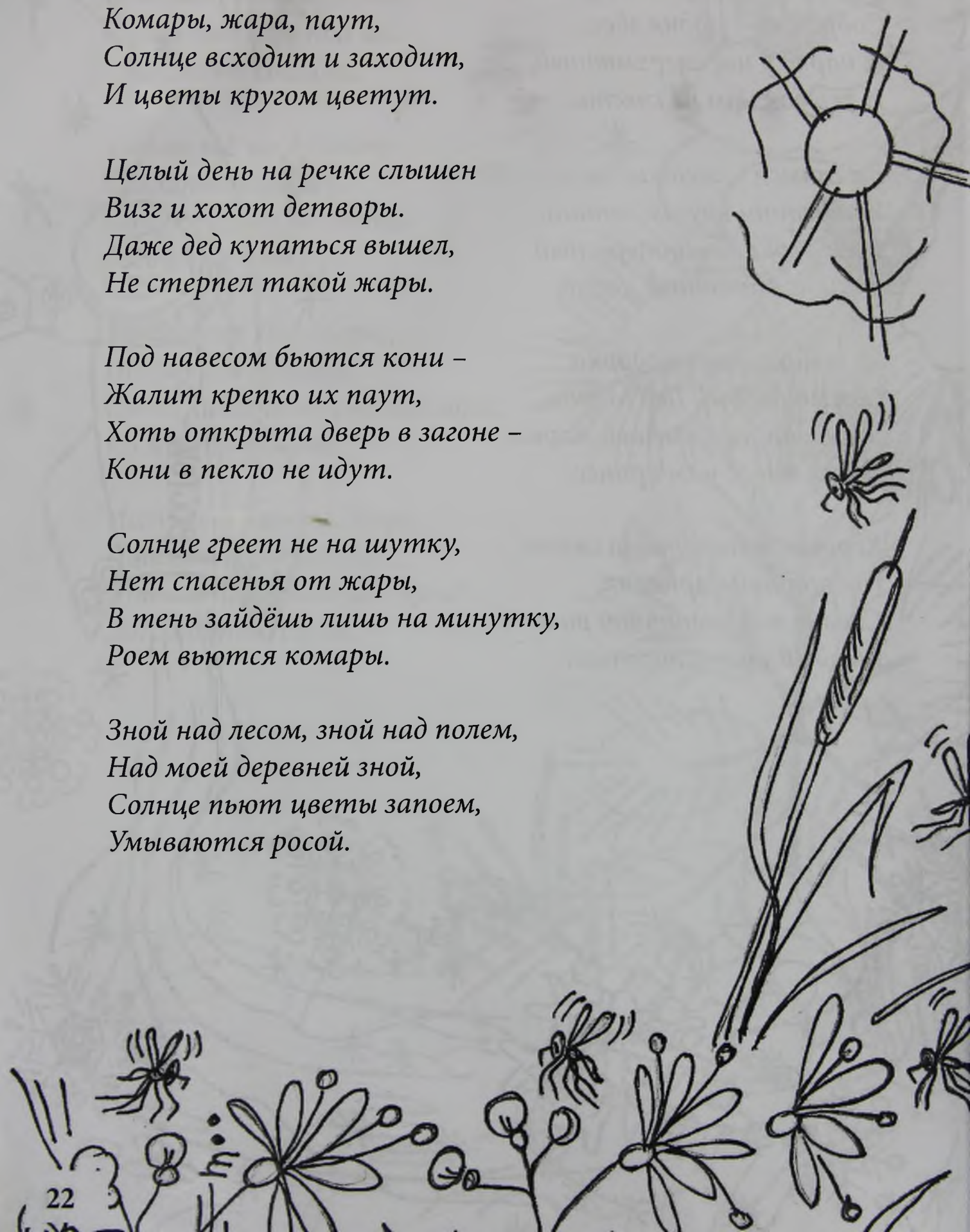
Лето снова колобродит:
Комары, жара, паут,
Солнце всходит и заходит,
И цветы кругом цветут.

Целый день на речке слышен
Визг и хохот детворы.
Даже дед купаться вышел,
Не стерпел такой жары.

Под навесом бьются кони –
Жалит крепко их паут,
Хоть открыта дверь в загоне –
Кони в пекло не идут.

Солнце греет не на шутку,
Нет спасенья от жары,
В тень зайдёшь лишь на минутку,
Роем вьются комары.

Зной над лесом, зной над полем,
Над моей деревней зной,
Солнце пьют цветы запоем,
Умываются росой.



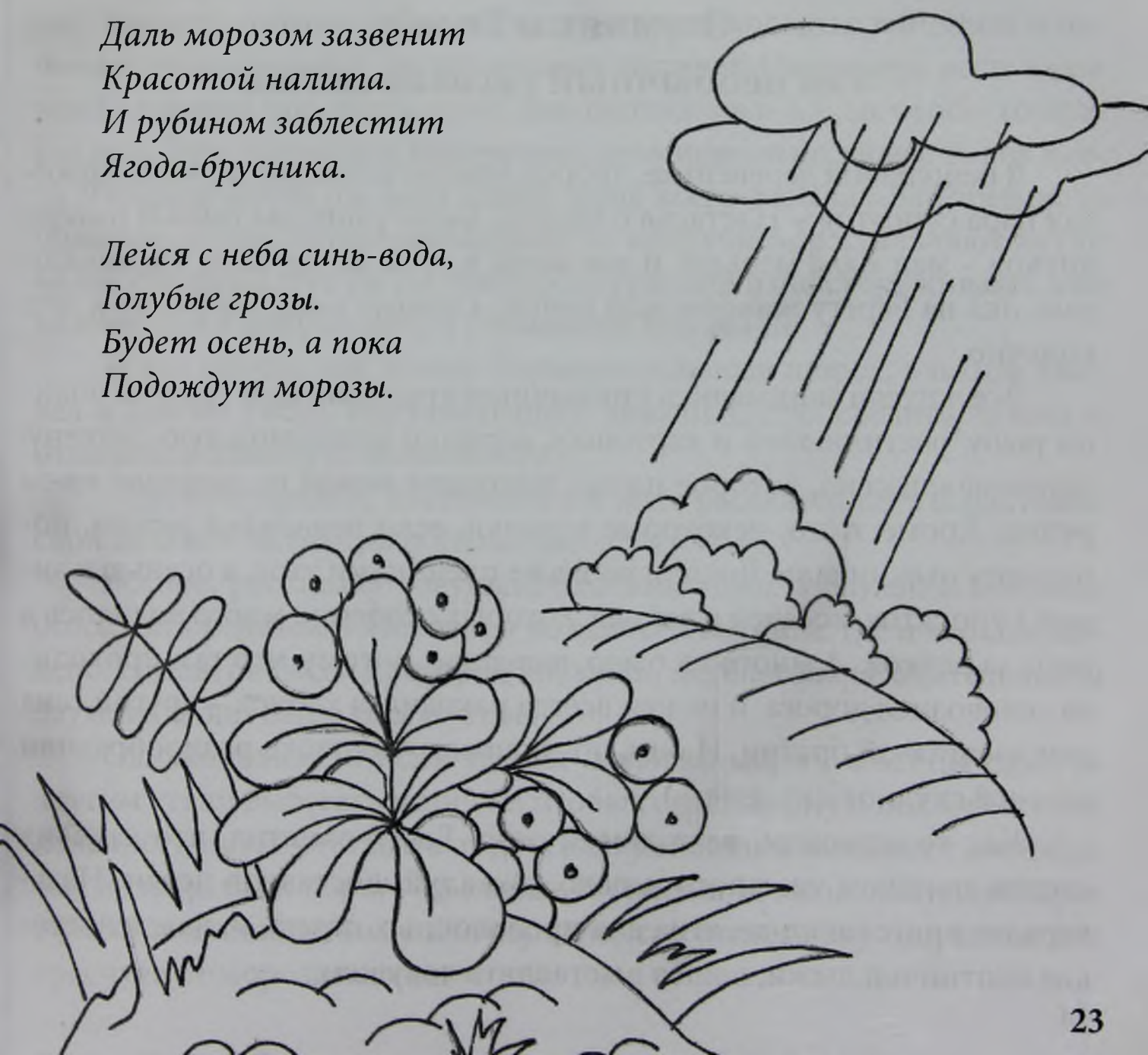
Голубые грозы

Льётся с неба синь-вода,
Голубые грозы.
Только дождь не навсегда
Будут и морозы.

Зацветёт листвой опять
Золотая осень,
Будет весело сверкать
Иней между сосен.

Даль морозом зазвенит
Красотой налита.
И рубином заблестит
Ягода-брусника.

Лейся с неба синь-вода,
Голубые грозы.
Будет осень, а пока
Подождут морозы.



Заумник и Евсей
или необычный рассказ-сказка

В небольшой деревеньке, дворов этак на пятнадцать, жила пожилая пара супругов – Настасья с Евсеем. Было у них два сына и пятеро внуков – мал мала меньше, и все жили в этой же деревне. Располагалась она на берегу живописной речки, а вокруг поля, озёра, ну и лес, конечно.

Все жители занимались привычным крестьянским трудом: ловили рыбу, растили хлеб и картошку, держали всевозможную скотину. Заготовляли сено, которое потом вывозили зимой на лошадях из-за речки. Кроме этого, некоторые мужики, если позволяла работа, понемногу охотничали. Ловили по весне пленицами уток, а осенью и зимой куропаток, косачей и зайцев, которых особенно много водилось в лесу, за речкой. А много их было, наверное, потому, что там проходила сеновозная дорога, и на ней всегда находился клочок – другой сена для косоглазой братии. И они, по-видимому, неплохо разнообразили им своё скудное питание.

Как-то однажды, везя домой сено, Евсей заметил, что заячьих следов слишком уж много и надо, пожалуй, поставить петли. Назавтра он приготовил десятка два проволочных петель и, надев широкие охотничьи лыжи, пошёл выставлять ловушки.

В лесу, напротив деревни, тоже жила пожилая, по заячьим меркам, супружеская пара – Заумник с женой Визгой. Вы скажете, что зайцы парами не живут, оно, конечно, так, но эти жили вместе.

А было это, возможно, потому, что глава семьи был ужасно умный. Имя-то его так и переводилось с заячьего на человеческий язык – Заяц умный. А жену его звали Визгой, просто так, за визгливый голосок.

Всегда, когда на заячьей вотчине появлялись люди, Заумник старался подойти поближе и послушать, о чём они говорят. А послушать было о чём: ягодники перекликались и говорили о чём-то своём, грибники тоже судачили на разные темы. А вот заезжие охотники с ружьями, бывало, присядут на валёжину и наплетут столько небылиц, что в три короба не уместится. В конце концов, Заумник не только научился понимать человеческий язык, но и вполне сносно говорить на нём.

Бывало, соберёт около себя пять-шесть молодых зайчишек и начинает втолковывать им прописные истины. Например, если люди много говорят про охоту, про Союз охотников и т.п., не особо-то опасайтесь. Эти охотнички постреляют по мишеням и уйдут. А вот когда Лапсаны молча (он всех людей чаще всего называл Лапсанами, за большие следы, оставляемые ими) и, крадучись, расставляют петли на нас грешных, тут уж смотри в оба, куда они их настораживают, а не то влетишь в одну из них, и – поминай, как звали!

И вот сейчас, как только Заумник услышал шорох, а потом увидел и самого Евсея, выставляющего ловушки, стал следить за ним и отмечать в памяти опасные места.

- Ну, ну старайся, Евсеюшко, а я всем расскажу, где ты наставил свои петли! – мстительно думал он.

Вскоре, расставив ловушки, охотник ушёл, а Заумник побежал объяснять родным и знакомым по заячьей вотчине, где и что поставлено. Назавтра Евсей проверил ловушки, но, благодаря бдительности Заумника, они оказались пустые.

Однако, ближе к ночи ударил сильный мороз, и зайцы один за другим стали выбегать к дороге, чтобы согреться, ну и подкормиться, конечно. Не стал отставать от других и умнейший заяц, хотя понимал, что не надо бы к дороге-то ходить – опасно. И только Заумник пристроился к аппетитному клочку сена, как неподалёку оглушительно треснула от мороза лесина.

Наш бедолага, подумав, что раздался выстрел, испуганно подскочил и стремглав кинулся прочь. Он ошалело, забыв про опасность, бежал до тех пор, пока со всего разбегу не влетел в петлю. Заумник по инерции оббежал раз двадцать вокруг державшей его лесины, и остановился. Он сразу сообразил, что дела его, мягко сказано, безвыходные.

Сначала пленник поплакал над своей трагической участью, а потом успокоился и стал решать,- как ему можно освободиться. И к приходу охотника в его голове созрело два варианта решения вопроса: первый – взять на испуг, второй, если не сработает первый, разжалобить. Утром, как только Заумник услышал приближение Евсея, сел и с невозмутимым видом стал его ждать. Когда охотник подошёл совсем близко, к попавшему в беду зайцу, тот громко и отчётливо выдал:

- Здорово, Евсей!

Евсей вздрогнул, остановился, испуганно оглянулся, но никого не увидев, уставился на спокойно сидевшего перед ним зайца.

- Чего уставился? Здорово, говорю, Евсей!

- О, Господи! Первый раз в жизни вижу говорящего зайца! – и охотник, плюхнувшись прямо в снег, стал неистово креститься.

- Во, во правой рукой крестишься, а левой тут же смертоносные петли на безобидных зверушек ставишь!

- Дак всю жизнь этаким манером ставлю! – пролепетал Евсей.

- Ага, ставишь! А охотничий билет у тебя есть?

- Нету!

- Понятна-а-а! А лицензия у тебя имеется?

- А это ещё что такое?

- Ну, это такая бумаженция, где сказано, сколько штук нашего брата ты можешь добыть. А ты даже этого не знаешь, эх ты, тундра!

- Но, но, я сейчас тебе покажу тундру, и без всякой лицензии за уши тебя, да и в мешок! – и Евсей потянулся к Заумнику.

- Ладно, ладно извини, браток, погорячился малость! С кем не бывает?!

- Та-а-ак, на испуг мне его взять не удалось! – подумал Заумник – Приступаем ко второму варианту!

- Слушай, Евсеюшко! Вот ты уже пожилой, да и я, по заячьим меркам, тоже в таком же возрасте. У тебя семья, и у меня семья. Неужели ты осиротишь мою Визгу?

- Это кто ещё такая?

- Жена моя.

- Зайцы-то, вроде, парами не живут?

- А я живу!

- Ну и с какого перепугу я тебя должен отпустить?

- А давай, заключим ангажемент!

- Какой ещё кажемент?

- Договор!

- О чём?

- А вот можем условиться с тобой так. Когда будет тепло, в конце июня, ты приведи на поляну Радости, ну та, что на нашей стороне речки, своих внуков, а я свой выводок приведу. И я там устрою им праздник души, ну, вроде, прятки – догонялки. Вот, посуди сам, если ты меня лишишь сейчас жизни, то лишишь радости своих внуков, а моих будущих детей – отца. Ну, так что – договорились?

- Интересно, однако, - почесал бороду Евсей, - а не обманешь?

- Клянусь Визгой и будущими детьми! – клятвенно приложил лапу к груди Заумник. - Ты только, когда придёшь на поляну, свистни хорошенько и громко позови меня: «Заумник, Заумник…!»

- Ладно, Бог с тобой! Отпущу я тебя, только не укуси меня, когда из петли освобождать буду.

- Что ты, что ты! Кто же благодатную руку кусает?!

Евсей снял рукавицы, ослабил петлю и освободил бедолагу. Заумник поклонился и после слов:

- Спасибо, Евсеюшко! – не спеша поскакал в своё убежище.

Охотник отвязал петлю от дерева, а потом, сняв остальные, ушёл домой, и после этого больше никогда петли на зайцев не ставил.

Долго ли, коротко ли, но незаметно настал конец июня, и Евсей вспомнил про договор с зайцем. Он перевёз внуков через речку, и, когда пришли на поляну Радости, засвистел, а потом несколько раз позвал Заумника. Минут через десять из кустов неожиданно выскочил заяц. Ребятишки сначала испуганно прижались к деду, но, когда увидели, что заяц стал подпрыгивать и кувыркаться через голову, завизжали от восторга.

- Идите, поиграйте с моим дружком! – подтолкнул дед внуков. И что тут началось! Ребятишки бегали со смехом за зайцем, катались по

траве, прятались. А тут ещё подбежали молоденькие зайчата, и тоже, глядя на отца, стали выкидывать разные фортели. Много веселья видела поляна Радости, но такого - никогда.

Наконец, когда все подустали, Евсей подозвал внуков и сказал:

- Поклонитесь этому умному зайцу и скажите спасибо!

Ребятишки наперебой стали благодарить Заумника и всё его семейство.

- Приходи, дружок, - обратился напоследок Евсей к зайцу,- на будущий год!

- Ладно, до свидания! – ответил Заумник и поскакал в лес. А следом, смешно перепрыгивая через прошлогоднюю траву, его зайчата.

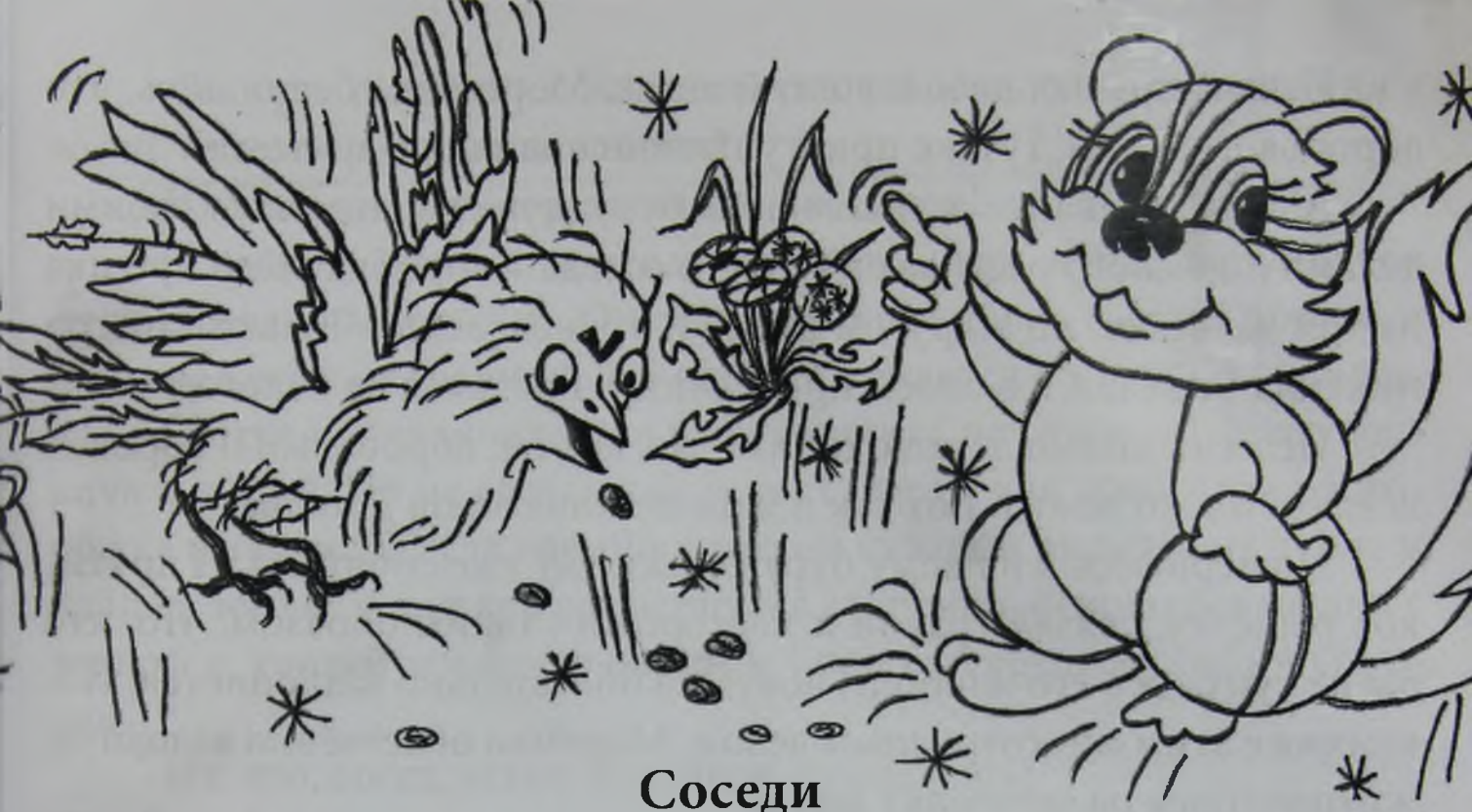
На этом можно было и закончить сказку, только жизнь повернула события совсем в другое русло. На другой год весной случилось большое наводнение, и все жители разъехались по другим местам. Конечно, погибло и много зайцев, но вотчину свою они не покинули.

Много лет спустя, один из внуков того Евсея приехал на родину. Долго ходил по месту, где когда-то была деревенька, а потом пришёл к поляне Радости и, присев на валёжину, задумался. И тут услышал негромкий старческий голосок:

- А знаешь, внучок, какие, бывало, чудеса вытворял на этой поляне мой прапрадед Заумник? Он и по-человечески говорить умел, и мне это по наследству передалось. Только поговорить-то ладом не с кем, разъехались люди – кто куда. Оно, конечно, Лапсаны очень опасные и коварные существа, но с ними, говаривали, интересней было жить. Можно было озимыми всходами побаловаться, и сенца зелёненького зимой поесть, а сейчас,- что?- одна кора! Волков и лис развелось видимо-невидимо, того и гляди сожрут ни за что, ни про что!

Послышался надсадный кашель, кто-то всхлипнул несколько раз, а потом плачущий дрожащий голос продолжил:

- Хорошо бы человеки-то всё же вернулись домой! Плохо без них! Мы их ждём, ждём, а они не едут и не едут!



Соседи

Возле речки в уютном дупле старой раскидистой ветлы жил бурундучок по прозвищу – Мореман. И хотя к морю он никакого отношения не имел, своё имя носил вполне заслуженно, так как был полосатым. Однако раскрашен он был не поперечными, как у некоторых видов животных, полосками, а продольными. Но, несмотря на такое обстоятельство, это не помешало соседу, воробью Ерошке прозвать его Мореманом – Продольным.

Был наш бурундучок вполне справным хозяином. В его дупле имелось много разных кладовочек и отсеков, где все запасы продуктов были разложены по своим полочкам и учтены, как в банке. Бывало, принесёт наш рачительный хозяин зерна с поля или иных, только ему известных семян, высыплет, куда следует и сделает отметку на стенке.

Только с некоторых пор стал Мореман замечать, что запасы продуктов не стали соответствовать учётным каталогам и убывают. И происходит это, несмотря на то, что он каждый день пополнял закрома.

- Может, усыхают? – подумал бурундучок,- тогда почему зерно не по-моему уложено? Уж не проделки ли это соседа Ерошки? Вообще-то давно его подозреваю. А возьму-ка я, да и устрою, на всякий случай, ловушку!

Не откладывая дело в долгий ящик, Мореман, убедившись, что воробья нет дома, тут же приступил к исполнению замысла.

А сейчас давайте оставим пока бурундучка заниматься своими делами и немного расскажем про его соседа – воробья. Жил Ерошка на той же ветле, но в другом дупле и этажом выше. Только запасов никаких не делал, а в своём пристанище прятался от непогоды.

Целыми днями летал с такими же, как он, воробьями и воровал всё, что плохо лежит. Вот так и жил-поживал наш Ерошка.

Но вернёмся к нашему бурундучку. Он уже соорудил из прутиков решётку, связал травой и насторожил таким образом, что, кто бы не сунулся в его жилище, ловушка обязательно захлопнется. Покончив с этим многотрудным делом, Мореман облегчённо вздохнул, и отправился на заготовку зерна.

Тут вскоре прилетел сосед-воробей. Для начала он постучал клювом в жильё бурундучка, и, убедившись, что того нет дома, юркнул в дупло. Решётка за ним мгновенно захлопнулась, но Ерошка не обратил на неё внимания и принялся клевать зерно из ближайшей кладовой. Наевшись до отвала, воробей отправился домой, но не тут-то было! Решётка надёжно перекрыла выход из дупла. Ерошка перепугался, стал метаться и звать на помощь. Кричал он до тех пор, пока не появился хозяин дома, с набитым за щёки зерном.

- Это что ещё за шутки!? Освободи меня сейчас же отсюда! – сразу же возопил воробей. Мореман молча, потому что зерно мешало ему говорить, отодвинул решётку, и Ерошка мгновенно вылетел из дупла. Бурундучок высыпал зерно в закрома и вышел поговорить с соседом:

- Ну и что ты у меня делал?

- Да просто в гости зашёл!

- Но меня же не было дома!

- Ладно, извини, старик, - ласково прочирикал воробей, - больше никогда, без высочайшего на то позволения, не переступлю порог твоего дома!

Мореман хоть и был по натуре добрым, однако к обещаниям соседа отнёсся с недоверием:

- Смотри, соседушка, если ещё раз зайдёшь без приглашения в гости, будет гораздо хуже, понял?

- Что ты, что ты, Мореманчик – ни ногой!

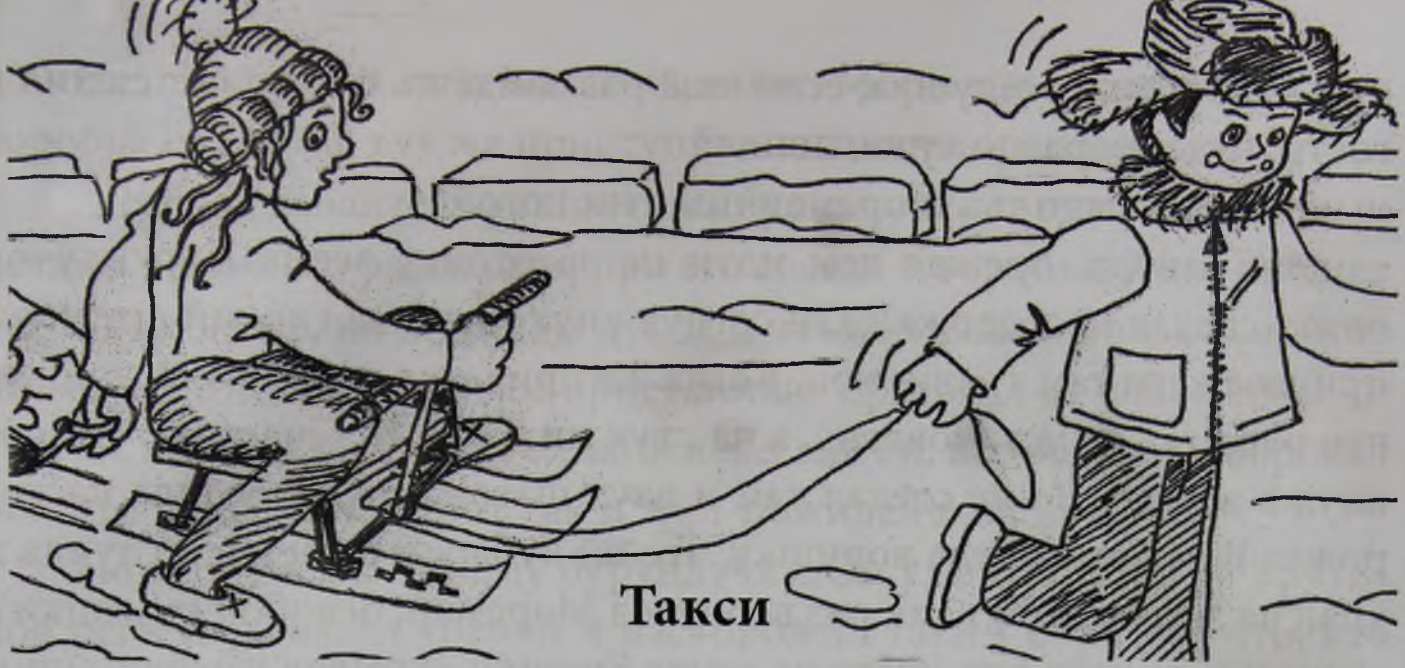
На завтра, прежде чем идти на заготовку зерна, бурундучок опять сделал насторожку. Он согнул внутри дупла гибкий прутик и привязал его там травинкой. Когда же прилетел воробей, и, увидев, что решётка не установлена, а на стук никто не отвечает, сразу юркнул в жильё. Но не сделал там и двух шагов, как сработала насторожка и так шибанула воришку, что он кубарем вылетел из дупла и упал на землю. А тут как раз вернулся Мореман, освободил мешки с зерном и, увидев лежащего на земле Ерошку, скрывая улыбку, спросил:

- Ну, что, сосед, устал, наверное, отдыхаешь?

Воробей сначала посмотрел помутневшим взглядом на Моремана, а потом, стараясь не подать вида, что ему сильно больно, ответил:

- Да, вот, понимаешь, где-то здесь зерно обронил! Ты не видел, нет? – и, не дожидаясь ответа, взмахнул плохо слушающимися крыльями, поднялся в своё пристанище.

Хотя после такого урока Ерошка по-прежнему приворовывал, но к соседу без приглашения уже не заходил никогда.



Такси

Ирка, ученица третьего класса, шла из школы, которая находилась метрах в ста от её дома. Неторопливо и с удовольствием поскрипывая первым выпавшим снегом, она восхищённо любовалась его непривычной белизной.

Когда важно шествующая ученица, с чувством выполненного перед школой долга, зашла во двор своего дома, то увидела шестилетнего пацана - Егора. Он шёл и с деловым видом тащил за собой снежный самокат. И тут Иринкина школьная усталость взяла верх над её неприкосновенным запасом - оставшейся с обеда в школе шоколадной конфеткой.

- Слушай, шеф, я вижу, у тебя такси свободно? - спросила она Егорку.

- Да! Куда хошь отвезу!

- Ну, тогда подбрось меня до дома,- кивнула она на своё жилище, пройти до которого ей оставалось метров тридцать,- а то я что-то подустала сегодня. Да и пятёрок полная сумка, боюсь, не донесу!

- Садись, поехали! - великодушно согласился Егор.

Ирка взгромоздилась на самокат, и процессия двинулась в пункт назначения. Когда они поравнялись с крыльцом соседнего дома, то навстречу им неожиданно выскочил Иркин одноклассник - Антон.

- Понятна-а-а! Не успел я свой велосипед поставить в стойло, как ты уже с другим катаешься?! - воскликнул он с ноткой ревности и недовольства.

- Не напрягайся, Антоний, - отмахнулась Иринка,- просто устала я сегодня. От одной только математики головушка моя многострадальная опухла, вот и решила на тачке домой подъехать.

Когда водитель остановил своё транспортное средство у нужного дома, Ирка встала, достала конфетку и, со вздохом, отдала Егорке:

- Держи, шеф, сдачи не надо!

Водила схватил расчёт, взбрыкнул, как застоявшийся конь, и с криком:

- Ребята, кого подвезти? Катаю, почти даром - конфетка за рейс! - помчался на поиски пассажиров.

Сестрица

Саша, пятилетний мальчуган, строил из игрушек и других вещей детской комнаты крепость. Напротив сооружения уже стояло два танка и несколько пластмассовых солдатиков, видимо, по замыслу полководца, приготовившихся к штурму крепости.

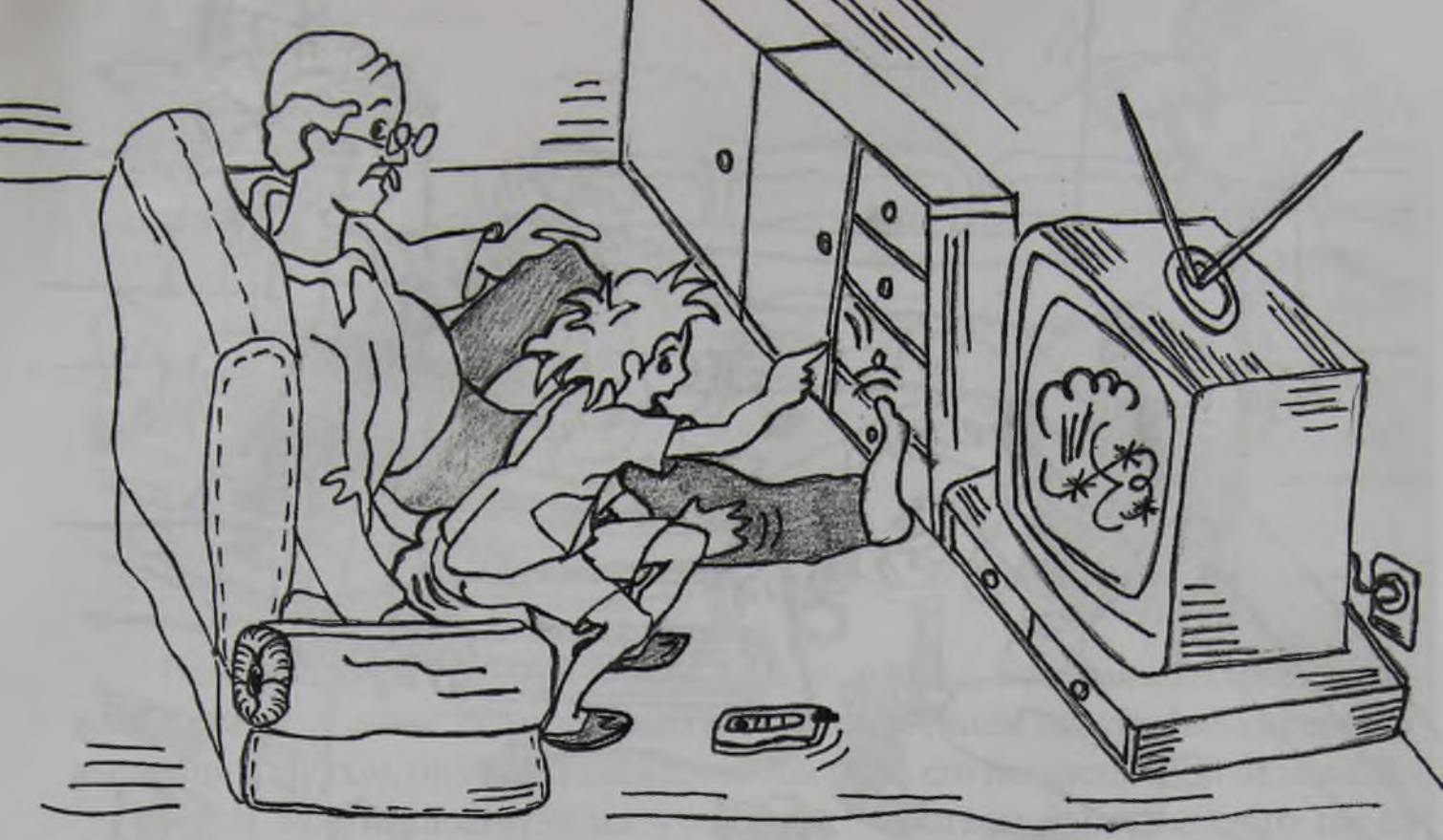
И только воевода закрепил основание строения подушкой с койки двухлетней сестрицы Маргаритки, как она, подойдя с тыла, быстро схватила свою подушечку и, конечно, разрушила крепость до основания. Полководец же, с криком:

-Ты что сделала с моей обороной !? - шлёпнул сестрёнку ладонью по плечу.

Маргаритка ошеломленно остановилась, положила подушку на пол, посмотрела на братика глазами, полными слёз, и, подойдя к нему, стала гладить по спине, приговаривая:

-Ладно, Саса, больше не буду! - а у самой катились крупные слёзы, падали на ковёр и на маленькие ножки, обутые в красненькие с белыми полосками носочки.

Саша тоже насупился, отвернулся к окну, и видно было, что он вот-вот расплачется, однако, с той поры свою сестрёнку больше никогда не обижал.



Несправедливость

Дед с внуком смотрели по телевизору захватывающий фильм о разведчиках времён Великой Отечественной войны. Внучок азартно подскакивал на диване, толкал деда в бок, в общем помогал воинам в меру сил.

И только фашисты почти окружили наших солдат, и они стали отступать к лесу, как неожиданно прозвучала команда Ваниного отца:

-Так, долго я буду тебя ждать? Быстро собирайся на тренировку!

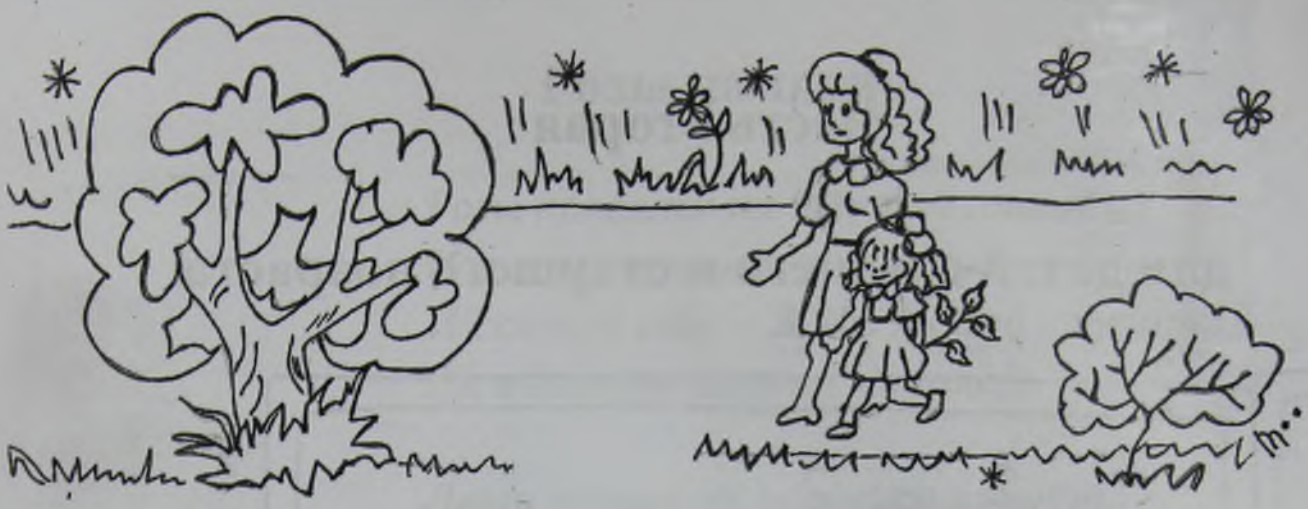
Внук огорчённо посмотрел на деда, потом на отца и, взяв пульт, неожиданно выключил телевизор.

-Ты что делаешь? Зачем выключил? Дед же смотрит? - удивлённо спросил отец.

-Ишь какой хитрый нашёлся! Он будет смотреть, а я должен идти на тренировку!? - огорчённо ответил сын.

Сначала отец захохотал возле двери, а потом дед, откинувшись на спинку дивана, тоже зашёлся в неудержимом смехе. Ваня довольно-таки серьёзно посмотрел на обоих, снова включил телевизор, и, увидев, что началась реклама, милостиво разрешил:

-Ладно, смотри. Потом расскажешь мне, сколько фашистов наши накрошили!



Веники

Маринка, пятилетняя девочка, шла с матерью в магазин. Она, немного приотстав, от деловито вышагивающей мамаши, внимательно рассматривала молодую листву берёз.

- Интересно-о-о, какие же они на вкус? - и, сорвав листок, разжевала и съела его.

- Хм, а ведь, пожалуй, съедобно!

Со следующей берёзки она отхватила уже несколько листиков, и снова отправила их в рот. Тут мать оглянулась и, увидев жующую что-то дочь, спросила:

- Ты что это ешь??

- Да вот, берёзовые листики дегустирую.

- Ну и как?

- Горьковатые, но ись можно!

- Однако! С тобой не соскучишься!

Обсудив таким образом ситуацию, они продолжили свой путь. Но вдруг мать неожиданно остановилась, да так, что Маринка уткнулась в неё.

- Ты чего? - удивилась дочь.

- Слушай, у нашего коммунального соседа в коридоре, на стенке, висят берёзовые веники, так ты не вздумай притрагиваться к ним!

- Ладно, не буду! Хотя зимой-то листики на берёзах облетят, и что я тогда буду есть?

- Как что?! Всё, что едят нормальные человеки!

- Нет, «как все» - это неинтересно! Пожалуй, я всё-таки, сожру пару веничков, авось, сед-сосед не заметит!

На этом разговор и закончился. Но вечером того же дня, когда маманя вышла в коридор, то от неожиданности тряпка выпала у неё из рук - дочь стояла на табурете, обрывала и с наслаждением жевала листики с берёзовых веников соседа.

- Ты что делаешь? Как мы перед соседом будем оправдываться, когда он увидит ободранные веники!?

- Ну-у-у-у...,- не переставая жевать, ответила дочь,- мы ему скажем, что это моль над ними поработала!!!

Часть вторая

для детей среднего и старшего возраста

Розы памяти

Розы положим на тёплый гранит,
И головы склоним в печали.
И скажем себе: – Здесь никто не убит,
Вы в вечном живёте начале.

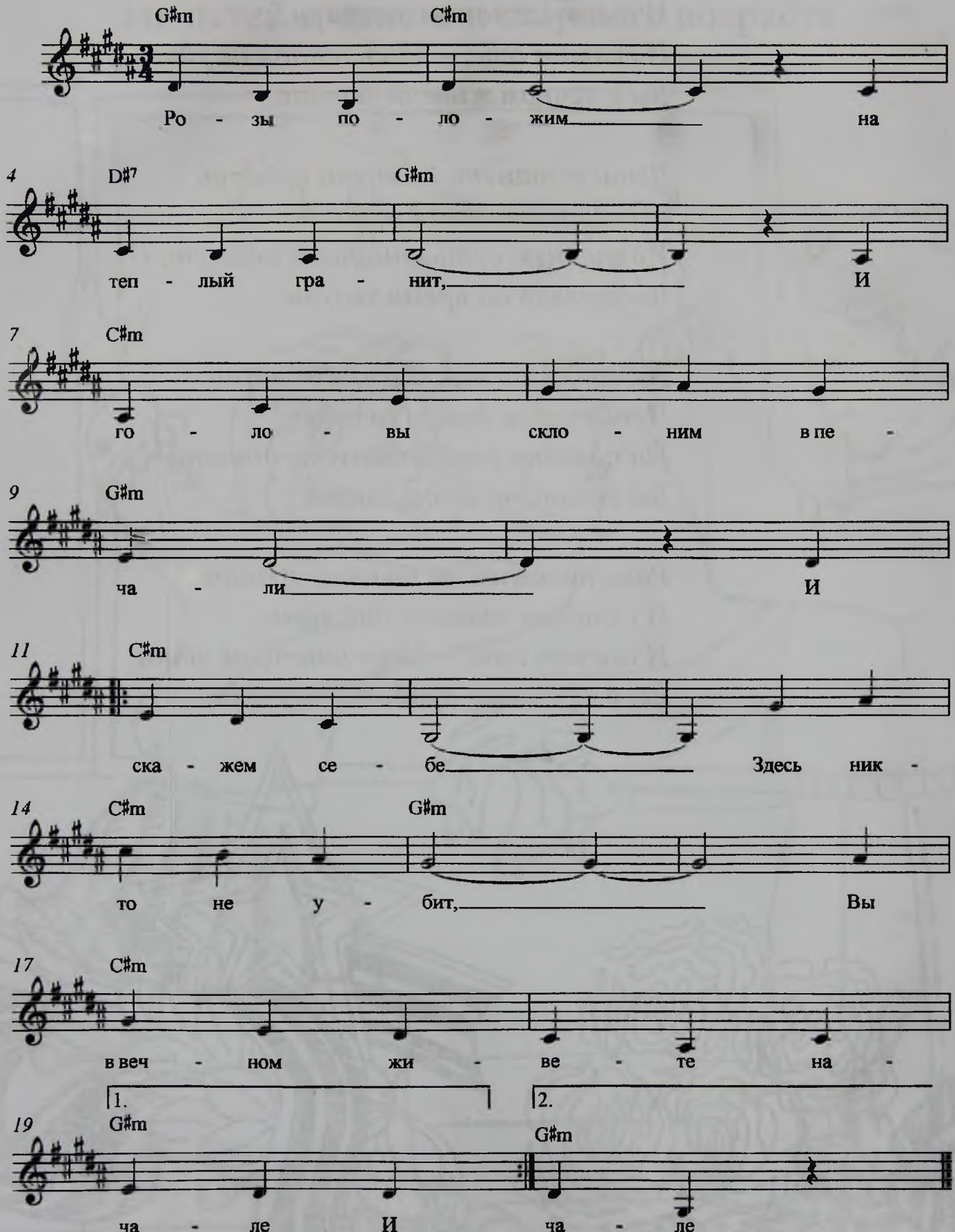
Дети устанут, но внуки придут,
И будут стоять в карауле,
Но главную суть они тоже поймут, -
Вы только на время уснули.

Будет ли солнце над вами сиять,
Пройдут ли дожди голубые,
Но память у нас никому не отнять -
Вы вечности дети живые.

Розы положим на тёплый гранит,
И склоним знамёна над вами.
И скажем себе: – Здесь никто не убит,
Вы в вечность пробились лучами.

Розы памяти

Н. Вторушин



Куликовому полю

А над полем над тем Куликовым
Тишиной розовеет закат,
Здесь, под ласковой ночи покровом
Души воинов русских лежат.

Здесь татаро-монгольские орды
Разгромил князь Димитрий Донской,
И с дружиной, весёлый и гордый,
Он с победой вернулся домой.

Их малиновым звоном встречали,
Ликовал, веселился народ.
Кто-то плакал в великой печали,
Чьих родных сам Господь не сберёг.

Пусть безмолвием гаснут закаты
Над могилами павших сынов.
Это поле нам памятью свято,
Ныне, и присно во веки веков.

* * *

Показала комета Галлея
Свой извечный космический путь,
И, гигантским хвостом пламенея,
Унеслась в непроглядную жуть.

Ты гонимая странница вечности,
Ты галактики беглый огонь!
Век за веком летишь в неизвестности,
И не гаснет твой вечный огонь.

Что ты ищешь в космической дали,
И каким тебя гонят кнутом?
Тридцать раз мы тебя повстречали
В этом огненном круге твоём.

Родины круг

Вьётся тропинка и вьётся,
И водит по кругу меня,
Памяти эхо несётся,
Виденьем в дорогу маня.

Хожу обречённо по кругу –
Вот речка и тихий погост,
И травы навстречу, как другу,
Встают в человеческий рост.

Вот промелькнула деревня,
Знакомых людей голоса…
Манят всё дальше виденья,
Заката видна полоса.

Тихо вокруг и покойно,
И в дымке тумана окрест,
Ношу несу я покорно,
Мой, Господом выданный, крест.

Как выйти из этого круга,
Как память свою притушить?
Но снадобья нет от недуга, -
Мне с болью прописано жить!

Осенний рай

Бродит осень по урманам,
По кедровникам кружит,
И, охваченный пожаром,
На осинах лист дрожит.

На опушке запунцовел
Волчьих ягод пышный куст,
Угощенье приготовил
Ядовитое на вкус.

Чисто вымыты берёзы,
Платья золотом блестят,
На рябинах гроздья-розы
Сочным пламенем горят.

В разноцветном карнавале
Красоты, хоть отбавляй,
Пока листья не опали,
Есть в лесу осенний рай.

Любите Югру

Холода с октября и до мая,
Ветер северный дует в лицо,
Но Югра мне всегда дорогая –
Отчий дом и родное крыльцо.

Не сменю я её на Канары,
На любой привлекательный край,
Здесь тайги вековые урманы,
И вокруг не придуманный рай.

Рай, где мошки кусают до боли,
Комары, пауты и жара.
Здесь не встретишь цветущих магнолий,
Здесь короткого лета пора.

Но за эту святую невзрачность,
За суровую правду земли,
За небес голубую прозрачность
Наши предки Югру берегли.

Берегли и любили природу,
И мы так же обязаны жить,
И Творцу, и потомкам в угоду,
Мы Югрою должны дорожить.

Для ветеранов

Благодатью дышала природа,
На реке – Иртыше ледоход.
Шум летел из цехов Рыбзавода,
Да журчал ручейков хоровод.

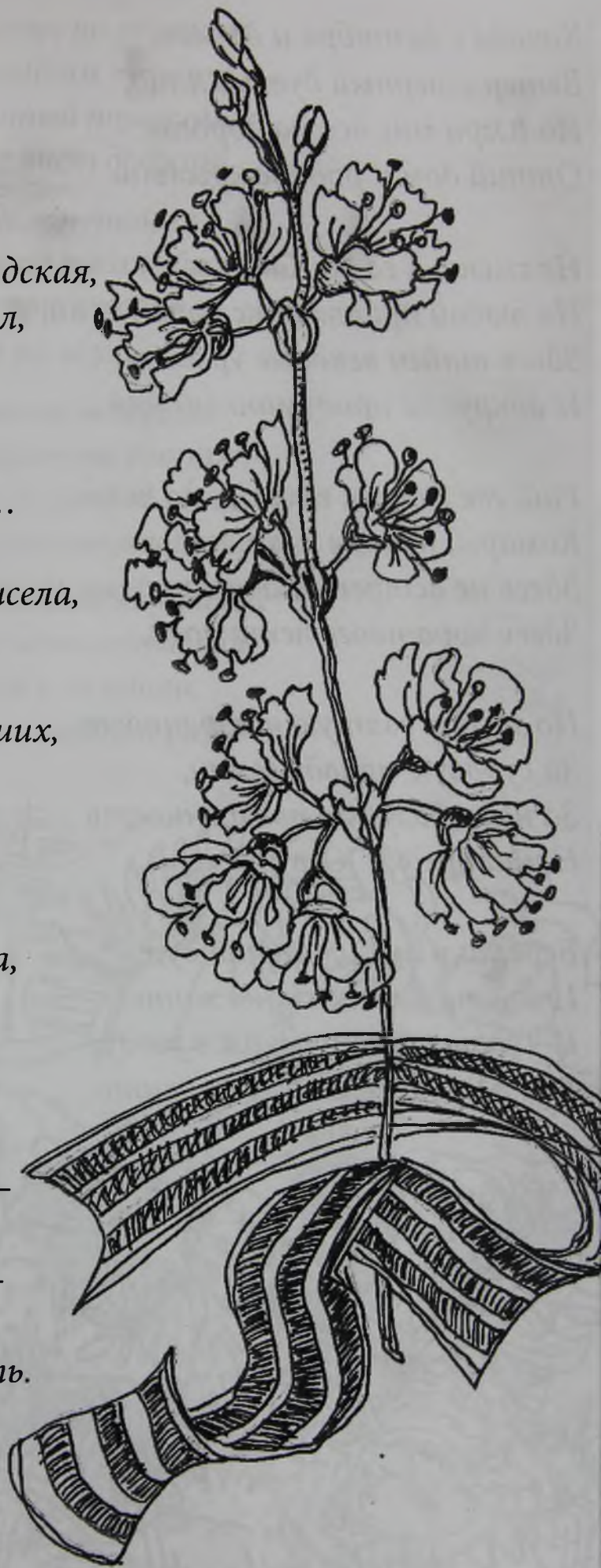
Только стихла вдруг жизнь городская,
Когда диктор московский сказал,
Что сегодня, девятого мая,
День Великой победы настал.

По Самарово весть пролетела…
Были песни, улыбок не счесть…
Только смерть чёрной тенью висела,
Омрачала победную весть.

Не вернуть было вдовам погибших,
Матерям сыновей не вернуть,
Но победа ласкала поникших,
Теплотой наполняла их грудь.

Не напрасно трудились до пота,
До кровавых мозолей, не зря.
Обернулась победой работа,
Засияла победой заря.

Их сегодня так мало осталось –
Ими надо вдвойне дорожить,
Им и надо-то самую малость, -
Чтоб могли бы
с достоинством жить.



Поклон ветеранам

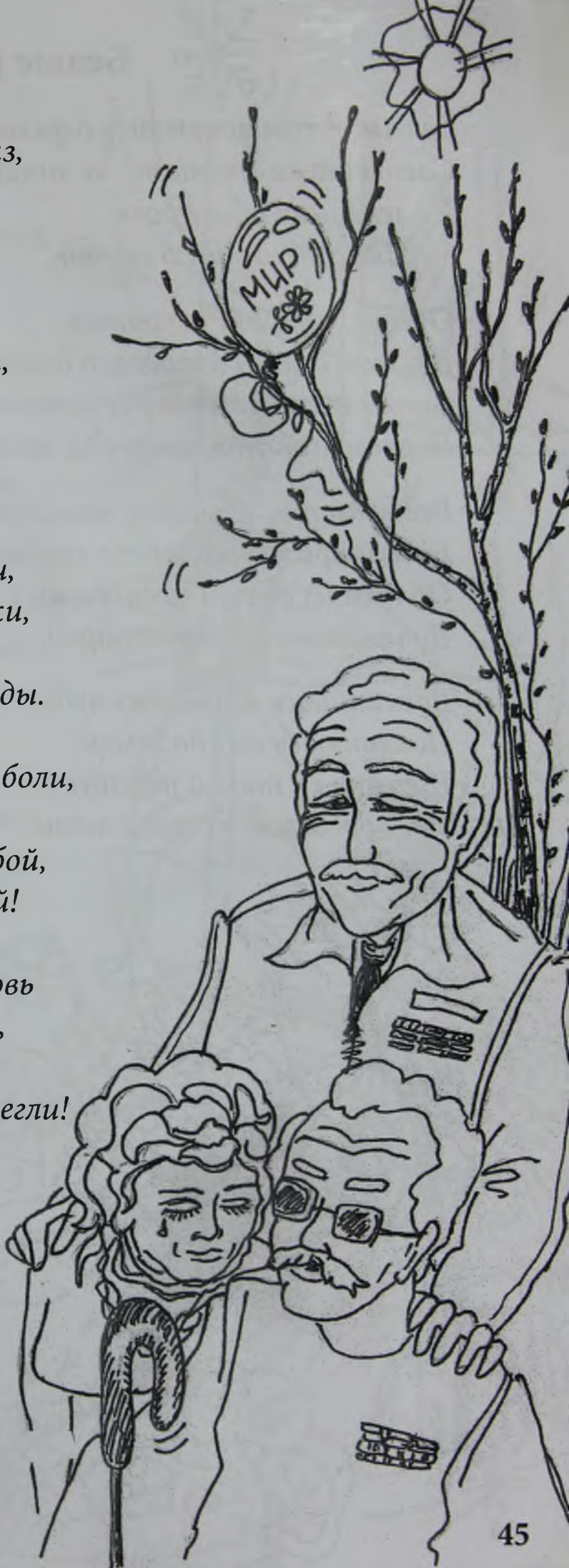
Слогом правдивым пишу я рассказ,
Как люди победу ковали для нас,
Как гибли в свинцовой метели,
И заживо в танках горели.

От моря до моря в окопах сидели,
Безусые парни, как деды, седели,
Брод не искали в реке огневой,
Победу ковали кровавой ценой.

Окопы терзали снарядов воронки,
И горем летели родным похоронки,
Плакали матери, жёны и деды,
И только сердца их просили победы.

Работали так, что стонали от боли,
Рубахи и кофты белели от соли,
Отдых короткий и снова, как в бой,
-За нашу победу! За нашу с тобой!

Пусть солнце сияет и наша любовь
Вам, ветераны, пролившие кровь,
За вашу победу поклон до земли,
- Спасибо, что нашу страну сберегли!



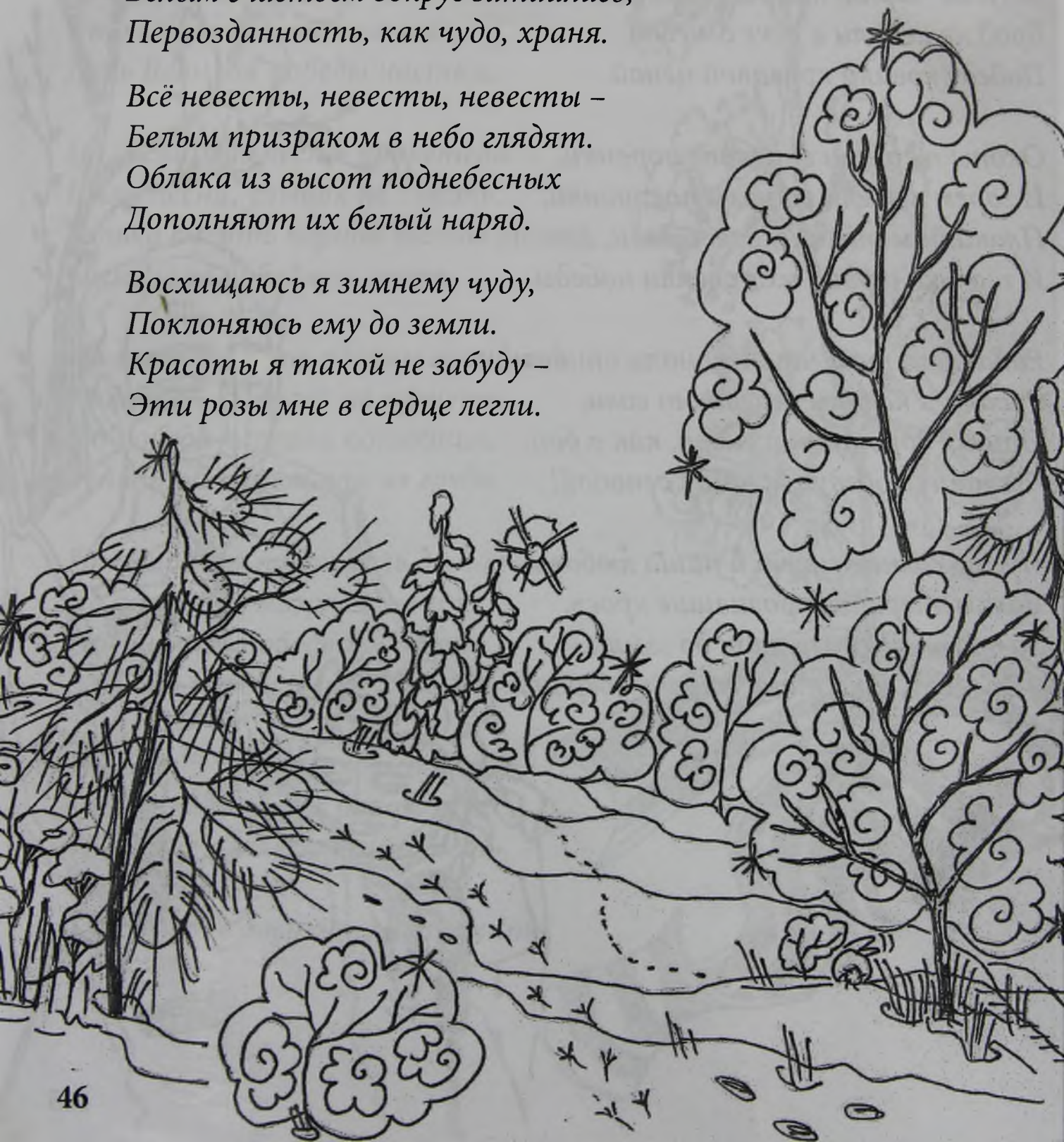
Белые розы

Белым пухом покрылись берёзы,
Сосны тоже отстать не хотят,
По зелёному белые розы
Украшают игривую стать.

Ореолом мороза искрились
В ярком солнце холодного дня,
Белым счастьем вокруг затаились,
Первозданность, как чудо, храня.

Всё невесты, невесты, невесты –
Белым призраком в небо глядят.
Облака из высот поднебесных
Дополняют их белый наряд.

Восхищаюсь я зимнему чуду,
Поклоняюсь ему до земли.
Красоты я такой не забуду –
Эти розы мне в сердце легли.



Вьюга

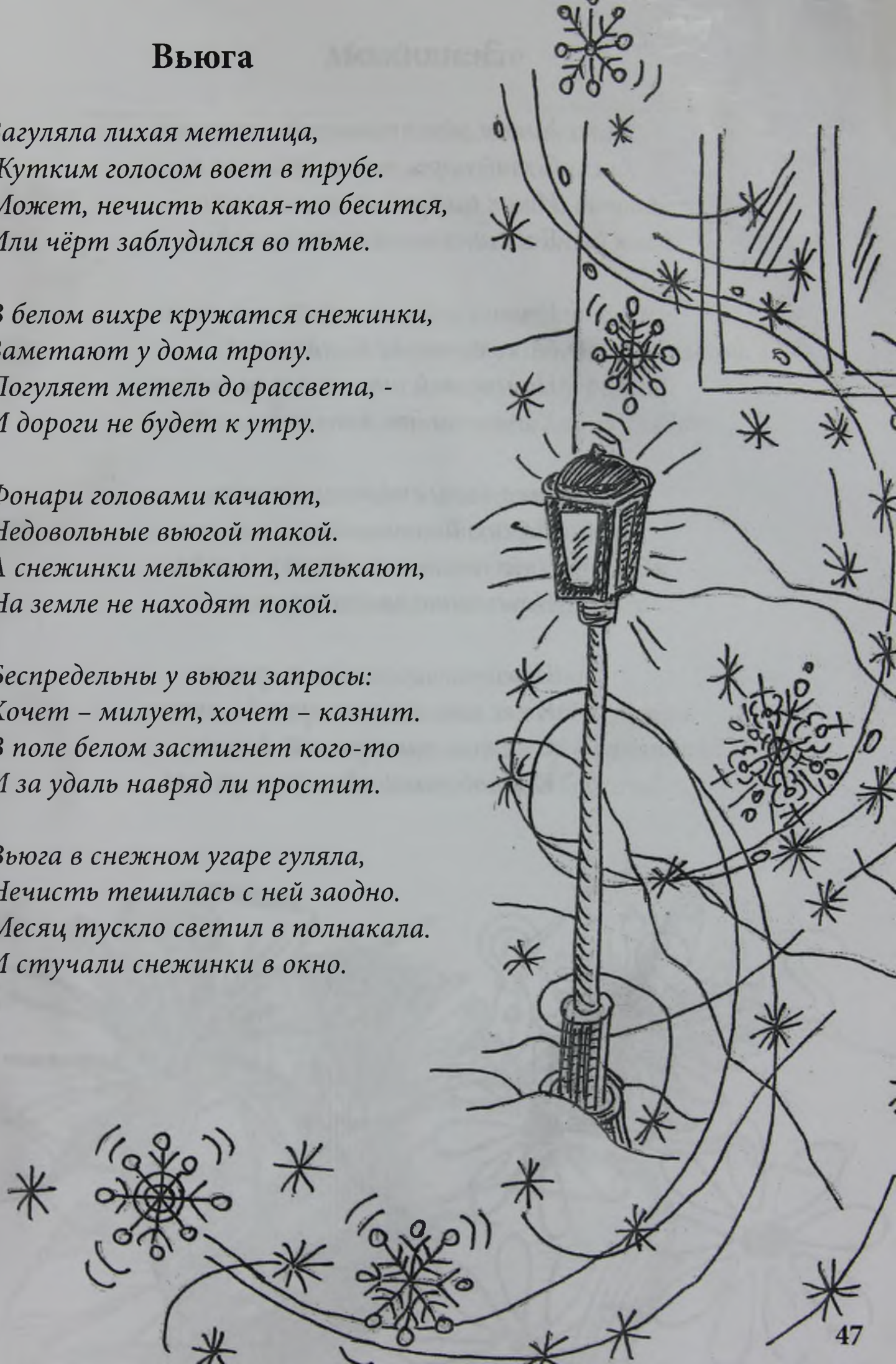
Загуляла лихая метелица,
Жутким голосом воет в трубе.
Может, нечисть какая-то бесится,
Или чёрт заблудился во тьме.

В белом вихре кружатся снежинки,
Заметают у дома тропу.
Погуляет метель до рассвета, -
И дороги не будет к утру.

Фонари головами качают,
Недовольные вьюгой такой.
А снежинки мелькают, мелькают,
На земле не находят покой.

Беспредельны у вьюги запросы:
Хочет – милует, хочет – казнит.
В поле белом застигнет кого-то
И за удаль навряд ли простит.

Вьюга в снежном угаре гуляла,
Нечисть тешилась с ней заодно.
Месяц тускло светил в полнакала.
И стучали снежинки в окно.



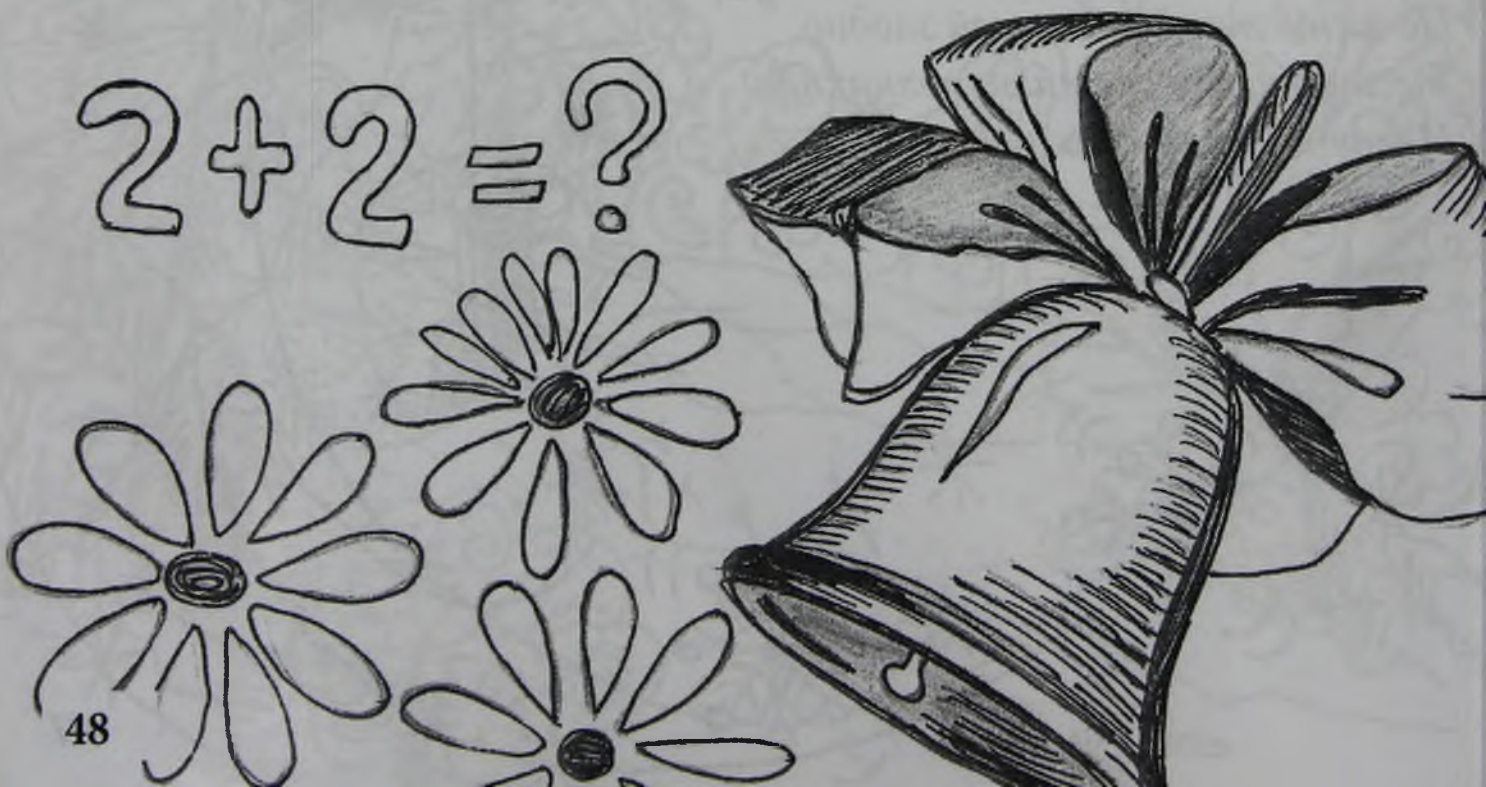
Землякам

Много лет пронеслось, улетело
С той поры, как в Тугалово жил.
И как цифры, слова, неумело,
Я на школьной доске выводил.

Было трудно и впроголодь жили
(А кому тогда было легко?),
Но мы свой интернат не забыли,
Хоть и много воды утекло.

Это были счастливые годы.
Помню школьный весёлый звонок,
Что зовёт и зовёт через годы,
Неустанно зовёт на урок.

И сейчас через годы и время
Я вас так же, как прежде, люблю,
Счастья вам я желаю беремя
И чтоб жили, как кум королю!



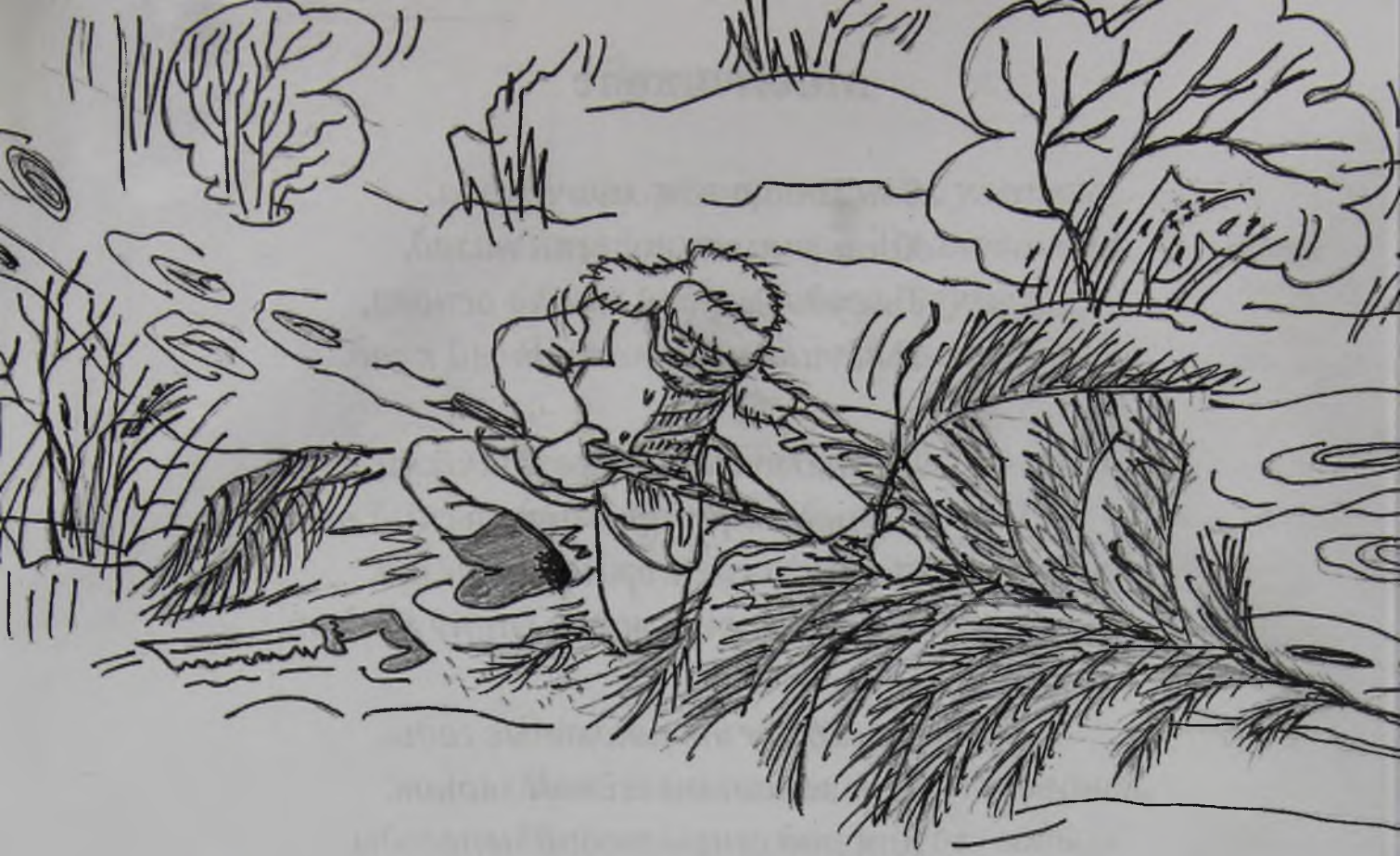
Моей школе

Я помню тебя, моя школа,
Хоть учился полвека назад.
Ты судьбы моей стала основа,
Ты души моей памятный клад.

Помню лица и даже причёски,
Помню строгий учительский взгляд.
И они до сих пор, как берёзки,
Так же строго мне в спину глядят.

Не забуду те школьные годы,
Тот заливно-весёлый звонок,
Как под сенью любой непогоды
Мы спешили на первый урок.

Я желаю, желаю, желаю
Много радости, счастья, любви.
Всех прошу,- не прошу – заклинаю! –
Чтобы школу в душе берегли!



Коммерческая ёлка

Незадолго до Нового года четырнадцатилетние пацаны – Ванька Велесов с Витькой Коммерсантом, получившим такое прозвище за предпринимательский склад характера, решили пойти в лес и вырубить к празднику себе по ёлке. Накануне они сходили в лесничество, выписали билет на порубку и уточнили, где это можно сделать. Сразу после школы Ванька забежал домой и, схватив в кладовке с полки ножовку, кинулся догонять неторопливо шагавшего Витьку. Вскоре они вышли за околицу и взяли прямой курс на лес, идти до которого было километра два.

Снегу было немного, так, сантиметров десять-пятнадцать, однако, пока дошли по бездорожью до места, порядком подустали. Там они походили с полчасика в поисках подходящей натуры и, наконец, выбрали по деревцу. Ванька нашёл себе небольшую, метра полтора, пушистую ёлочку, а вот Витька заграбастал большую трёхметровую красавицу.

- Вот, принесу домой эту роскошь и загоню её кому-нибудь, не менее чем за тысячу рубликов! – сияя глазами от возможности получения таких денег, выдал «коммерсант».

Ребята взвалили на плечи каждый свою поклажу и, не мешкая, пошли домой, как-никак, стало уже смеркаться. Ванька неутомимо шагал и шагал впереди, ритмично помахивая верхушкой своей ёлки перед Витькиным лицом.

Когда наши лесорубы прошли метров двести, то владелец большой ёлки начал заметно отставать от товарища. Наконец, когда между ними расстояние стало уже метров тридцать, Витёк взмолился:

- Стой, Иванчик! Давай малость передохнём и подай мне ножовку, я, пожалуй, укорочу своё ёлочное достояние рублей на двести, а то, что-то тяжеловато! – и отпилил с полметра от ёлки.

- Ну вот, другое дело! Пусть подешевле, зато будет полегче! И пошли быстрее, а не то затемнеем тут.

Однако, метров через триста Витька опять начал отставать, поклажа всё ещё была тяжеловата для физически слабоватого коммерсанта.

- Стой, Ванюха!

- Чего тебе, Коммерсант Великолепный!?

- Дай ножовку, я ещё уменьшу возможную прибыль на тридцать процентов! – и опять отчекрыжил полметра ёлочного ствола.

На сей раз они прошли уже полкилометра, но поистративший силы Витька, опять отстал.

- Стой, Ванька! Чего бежишь, как рысак необъезженный!? Всё, нет моих сил больше! Давай сюда ножовку,- тяжело дыша, взмолился «коммерсант»,- не видать чужим людям моей ёлочки! Пошли они все подальше, лучше возьму-ка её себе домой, авось отец тоже оценит моё старание и осчастливит каким-нибудь подарком! – и отпилил ещё с полметра от своей ёлки, сравняв её, таким образом, с Ванькиной. Вскоре стали просматриваться первые признаки человеческого жилья, и, воодушевлённые предстоящим праздником, ребята добавили шаг. К тому же их ожидали впереди двухнедельные зимние каникулы, а это, как ни крути, всё-таки хорошо! Да ещё как хорошо-то!!!

Шара

Стоял ноябрь, было довольно холодно, когда на окраине посёлка, проходя мимо кучи мусора, Геннадий заметил попискивающий тёмный комок. Он остановился, присел на корточки и увидел, что это был щенок. Взял находку в руки, посмотрел в беспомощные доверчивые глаза и, посетовав:

- Эх ты, бедолага! И какой это изувер выкинул тебя? – сунул щенка за пазуху.

Дома хозяин, к радости ребятишек, положил найдёныша на пол и спросил:

- Ну и как назовём это создание?

Ну, уж тут детской фантазии не было предела, каких только имён они не напридумывали, пока хозяйка не сказала с усмешкой:

- Да вы посмотрите на него – шарик он и есть шарик!

На том и порешили. Месяца через три Шарик заметно подрос и если кто-то из домашних подзывал его, то уже отликался радостным тявканьем. Так и жила собачка Шариком до тех пор, пока брат хозяина не обескуражил Геннадия вопросом:

- А как щенка-то зовут?

- Шариком.

- А ты смотри ладом!

- Надо же и, правда, особь-то женская! А мы всё её Шариком навеличиваем! Ну да ничего – пусть Шарой будет.

Прошёл год и беспомощный щенок вырос в красивую умную сибирскую лайку. Она всегда ходила за своим хозяином, вернее, бежала впереди него, но стоило тому дать команду:

- Иди домой, мне ты сегодня без надобности! – безоговорочно уходила и терпеливо ждала его на крыльце.

Подошло время охоты, и Геннадий засобирался на промысел.

- Ну что, собаченция, на охоту-то пойдём? – укладывая рюкзак, спросил он Шару.

Та как будто всю жизнь только этим и занималась, завиляла хвостом и согласно тявкнула.

Спозаранок, загруженный разным провиантом, Геннадий, предупредив жену, в каком направлении он уходит, отправился в тайгу.

Ещё по дороге к находящейся километрах в семи от посёлка избушке охотник отстрелял с десяток белок. Его вообще-то сильно удивила и обрадовала сообразительность и неутомимая работа собаки.

– И где только ты охотничьему делу училась? – ободрав очередную белку, спросил он помощницу. – А вообще-то этому не научишь, тут всё дело в наследственности, видать, твои предки были стоящей породы! - скорее всего, сам себе утвердительно сказал охотник и по обычаю кинул тушку Шаре. Ближе к вечеру они были уже на месте. Геннадий притащил охапку заготовленных ещё с прошлого сезона дров и затопил печку. Вскоре поленья разгорелись, и блаженное тепло наполнило избушку.

Потом он сходил, наломал пихтовых веток и, сделав веник, подмёл пол.

- Ну вот, Шарушка, у нас и порядок! Сейчас сварим суп, вскипятим чай и будем капканы готовить, хорошо?

Собачка подняла голову, посмотрела умным взглядом на хозяина и, помахав в знак согласия хвостом, успокоилась. Геннадий сварил ужин, поел, а когда суп остыл, накормил и помощницу. До полночи чистил капканы и натирал хвоёй, словом, готовился к промыслу. Наутро он протопил печку, плотно позавтракал и, взяв с собой перекусить, отправился выставлять ловушки.

Снегу было ещё немного, стояла ясная морозная погода. По намеченному путику встречались следы различного зверья, и Шара

---

* Путик – тропинка с затёсками на деревьях, где отмечены места установки ловушек и наносятся на карту.

азартно занималась своей собачьей работой. В первый же день охоты, кроме двух десятков белок, она вытропила и облаяла соболя, и Гена снял его метким выстрелом. В избушку, выставив все капканы, они вернулись уже к вечеру.

- Молодец ты у меня,- обратился к напарнице Геннадий, растопляя печку,- если дело и дальше так пойдёт, то мы с тобой будем, даст Бог, с пушниной.

Шара взглянула на него, улыбнулась, (умные собаки, действительно, умеют улыбаться) и устало вытянулась возле порога.

Где-то дней за десять охоты они добыли сотни полторы белок и три соболя.

- Ай да мы с тобой! Ты смотри, как хорошо поработали! – посчитав пушнину, похвалился Геннадий, - я думаю, недельки через полторы, если всё будет ладно, можно и домой.

Всю первую декаду ноября погода стояла, как на заказ, ясная и морозная, но утро одиннадцатого дня выдалось пасмурным. Порывистый восточный ветер срывал с вековых сосен и елей снежные шапки и рассеивал их ещё до падения на землю. Холодные мрачные тучи угрожающе проплывали на запад, иногда они мимоходом сыпали колючим снегом, и все быстро, под сатанинское завывание ветра, скрывались за верхушками деревьев.

- Не надо бы нам сегодня с тобой на охоту-то идти,- обратился к Шаре Геннадий,- зверь всё равно залёг. Ну, коли уж собрались, так пойдём, хоть капканы проверим.

И они пошли по путику проверять ловушки.

Почти все капканы были пустыми, и только охотник собрался отозвать собаку и повернуть назад, как она залаяла. Причём, лаяла напористо, было похоже, что Шара припутала соболя. Геннадий поменял патрон на более крупную дробь, и быстро пошёл на голос собаки. Увлечённый азартом возможной добычи, потерял осторожность, нога его попала меж кореньев, и он упал. Мгновенно адская боль пронзила его тело, и почти сразу мелькнула мысль отчаяния:

- Всё! Пропал – или ногу вывернул, или сломал! Самому мне отсюда не выбраться!

Он осторожно высвободил ногу из-под корней, присел к валёжине и понял, что его худшие опасения подтвердились – малейшее

движение ногой причиняло нестерпимую боль. Когда охотник немного отошёл от болевого шока, прислушался - сквозь шум ветра по-прежнему доносился лай Шары.

- В моём положении сейчас поможет только Господь, да, может быть, ещё верная собачка,- решил Геннадий и стал звать её к себе. Однако охотничью собаку не так просто отозвать от дичи. Тем не менее, минут через пятнадцать настойчивого зова она всё-таки прибежала к нему.

Шара, увидев сидящим на снегу хозяина, с визгом кинулась лизать его лицо. Она то отскакивала, лаяла, кружилась, то опять кидалась лизать лицо беспомощного охотника.

- Ладно, Шарушка, успокойся, - попросил Геннадий сквозь невольные слёзы благодарности, за понимание собакой его положения,- сейчас мы с тобой что-нибудь придумаем!

И тут он вспомнил, что в кармане у него в целлофановом пакете всегда были с собой спички, а также маршрутная карта путика и карандаш, которым он отмечал места, где ставил ловушки. Этой привычке его научил ещё отец, тоже заядлый охотник.

Геннадий достал бумагу, карандаш и написал о том, что с ним случилось, и как домашним следует поступить. После завернул записку в целлофановый пакет, крепко привязал его шнуром от рюкзака на шею собаке и дал команду:

- Иди домой! Мне ты сегодня без надобности!

Шара было кинулась выполнять задание, но шагах в пяти остановилась, выжидающе уставившись на хозяина.

- Иди домой, я сказал! – строже повторил Геннадий, и лайка тут же исчезла в кустах.

Оставшись один, охотник, превознемогая боль, подполз к сухой валёжине, наломал сучьев и разжёг под ней костёр. Когда немного отогрелся, пообедал всухомятку и, перекрестившись, стал ждать помощи. Прошло уже часов пять, как убежала собака, валёжина догорала, а поблизости ничего годного для костра не было, стало темнеть.

- А если она убежала в избушку? Тогда я здесь и окоченею! – засомневался Геннадий. Он с большим трудом выломал подходящую палку, соорудил, приспособив рюкзак, что-то вроде костыля и попробовал идти. Однако нестерпимая боль заставила его вернуться к костру.

И только охотник поднял ружьё, чтобы выстрелить, авось кто-нибудь услышит, как из-за кустов выскочила Шара и залаяла.

Вскоре подошли мужики с нартой и, положив на неё пострадавшего, потащились в избушку.

Когда пришли на место, то занесли Гену туда вместе с нартой, чтоб лишний раз не тревожить. Затопили печку, сварили еду, и после ужина его брат рассказал, как было дело:

- Я по дороге домой заглянул на минутку к твоим, узнать, не вернулся ли ты с охоты. И только собрался уходить, как услышал лай и царапанье в дверь. Мы выбежали на улицу, я увидел Шару и что-то привязанное к ней. Когда прочитал записку, то сразу же засобирался, нашёл помощников, - кивнул он на мужиков,- и сказал твоей жене, чтоб накормила собаку. Однако она, немного похватав еду, заскулила и всё порывалась убежать обратно в лес, до тех пор, пока мы не вышли за тобой. Вот так она и привела нас сюда.

Брат помолчал, закурил и задумчиво продолжил:

- Да-а-а, такие умные собаки бывают на тысячу одна! Ты ей должен быть благодарен всю оставшуюся жизнь!

Наутро мужики утащили пострадавшего в посёлок, и там его положили в больницу. Так и закончилось в этот год для него и его верной собаки время охоты. Однако Геннадий со своей незаменимой помощницей провели потом ещё не один охотничий сезон, а уж сколько было за это время добыто разного зверья – не счесть! Прослышав о необычно умной и преданной собаке, к нему не раз приезжали охотники и предлагали весьма солидные деньги, один даже машину свою отдавал. Только у Геннадия для всех был один ответ:

- Я друзей не предаю и не продаю!

Прожила Шара долгую собачью жизнь, а когда совсем состарилась, и пришло время кончины, она заскулила. Хозяин, без слов поняв её, взял на руки и понёс из дома на улицу; она, как бы прощаясь, лизнула его несколько раз в лицо и вскоре околела. Закопал охотник верного друга в углу своего огорода. Всё время следил за холмиком, чтоб не зарастал, и каждый год, в тот день, когда Шары не стало, покупал бутылку водки.

Садился возле бугорка, выпивал, долго молчал, задумчиво глядя в небеса, а потом читал, как молитву, то ли сочинённое, то ли услышанное где-то стихотворение:

Пусть рассветы, закаты мелькают
Над вечным покоем твоим!
Даже если друзья умирают
Мы верной любовью прикованы к ним!

Содержание

1. Пожелание 1
2. Моя семья (песня) 2
3. Моя семья (ноты) 3
4. Неслух Квак ..... 4 - 16
5. Нарисую 17
6. Про ручку 18
7. День учителя 19
8. Живая кочка 20
9. Новогодний карнавал 21
10. Знойные будни 22
11. Голубые грозы 23
12. Заумник и Евсей ..... 24 – 28
13. Соседи ..... 29 – 31
14. Такси 32
15. Сестрица 33
16. Несправедливость 34
17. Веники 35
18. Часть вторая 36
19. Розы памяти (песня) 37
20. Розы памяти (ноты) 38
21. Куликовому полю 39
22. Показала комета 40
23. Родины круг 41
24. Осенний рай 42
25. Любите Югру 43
26. Для ветеранов 44
27. Поклон ветеранам 45
28. Белые розы 46
29. Вьюга 47
30. Землякам 48
31. Моей школе 49
32. Коммерческая ёлка ..... 50 – 51
33. Шара ..... 52 – 57
34. Содержание 58

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ БАНК

Автор глубоко признателен Ханты-Мансийскому банку

за помощь в издании данного сборника поэзии и прозы

для детей

Николай Михайлович Вторушин родился 12 ноября 1946 года в деревне Шалимово Уватского района Тюменской области.

Первые стихи были напечатаны в альманахе «Самаровский ямб». Рассказы печатались в альманахе «Эритур», журнале «Югра», окружной периодике.

Николай Михайлович – автор книг:
«Лунные ночи» - стихи, рассказы;
«Непридуманные истории» - рассказы, стихи;
«Просто курьёзы» - рассказы;
«Китайский плацкарт» - рассказы;
«Осеннее признание» - стихи;
«Сборник песен» - песни;
«Хотите, верьте – хотите, нет» - рассказы;
«Жизнь моей бытиё» - проза;
«Парус надежды» - проза.

Николай Михайлович Вторушин – член Союза писателей России. Живет и работает в городе Ханты-Мансийске.